

*Јако је „дурно общество“
вѣра његова
вандо доброт*

В. Короленко.

4. III 17.

ВЪ ДУРНОМЪ ОБЩЕСТВѢ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

МОСКВА.

Типографія Высочайше утвержд. Т-ва И. Д. Сытина. Валовая ул., свой домъ.

1896.

В. Короленко.

ВЪ ДУРНОМЪ ОБЩЕСТВѢ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

МОСКВА.

Типографія Высочайше утвержденного Товарищества И. Д. Сытина, Валовая ул., соб. домъ.

1896.

098294

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 13 сентября 1895 г.

ВЪ ДУРНОМЪ ОБЩЕСТВѢ.

(Изъ дѣтскихъ воспоминаній моего пріятеля.)

I.

Развалины.

...Моя мать умерла, когда мнѣ было шесть лѣтъ. Отецъ, весь отдавшись своему горю, какъ будто совсѣмъ забылъ о моемъ существованіи. Порой онъ ласкалъ мою маленькую сестру и по-своему заботился о ней, потому что въ ней были черты матери. Я же росъ какъ дикое дерево въ полѣ: никто не окружалъ меня особенной заботливостью, но никто и не стѣснялъ моей свободы.

Мѣстечко, гдѣ мы жили, называлось Княжье-вѣно или, проще, Княжь-городокъ. Оно принадлежало одному захудалому, но гордому польскому роду и представляло всѣ типическія черты любого изъ мелкихъ городовъ юго-западнаго края, гдѣ, среди тихо струящейся жизни тяжелаго труда и мелко-суетливаго еврейскаго гешефта, доживаютъ свои печальные дни жалкіе останки гордаго панскаго величія.

Если вы подъѣзжаете къ мѣстечку съ востока, вамъ прежде всего бросается въ глаза тюрьма — лучшее архитектурное украшеніе города. Самый городокъ раскинулся внизу надъ сонными заплѣсневѣвшими прудами, и къ нему приходится спускаться по отлоному шоссе, загороженному традиціонной

„заставой“. Сонный инвалидъ, — порывляя на солнцѣ фигура, олицетвореніе безмятежной дремоты, — лѣниво подымаетъ шлагбаумъ, и вы въ городѣ, хотя, быть-можетъ, не замѣчаете этого сразу. Сѣрые заборы, пустыри съ кучами всякаго хлама понемногу перемежаются съ подслѣповатыми, ушедшими въ землю „хатками“. Далѣе широкая площадь зіяетъ въ разныхъ мѣстахъ темными воротами еврейскихъ „заѣзжихъ домовъ“; казенныя учрежденія наводятъ уныніе своими бѣлыми стѣнами и казарменно-ровными линіями. Деревянный мостъ, перекинутый черезъ узкую рѣчку, кричитъ, вздрагивая подъ колесами, и шатается точно дряхлый старикъ. За мостомъ потянулась еврейская улица съ магазинами, лавками, лавчонками, столами евреевъ-мѣняль, сидящихъ подъ зонтами на тротуарахъ, и съ навѣсами калачницъ. Вонь, грязь, кучи ребятъ, ползающихъ въ уличной пыли. Но вотъ еще минута — и вы уже за городомъ. Тихо шепчутся березы надъ могилами кладбища, да вѣтеръ волнуетъ хлѣба на нивахъ и звенитъ унылой безконечной пѣсней въ проволокахъ придорожнаго телеграфа.

Рѣчка, черезъ которую перекинутъ упомянутый мостъ, вытекала изъ пруда и впадала въ другой. Такимъ образомъ, съ сѣвера и юга городокъ ограждался широкими водяными глазами и топями. Пруды годъ отъ году мелѣли, зарастали зеленью, и высокіе густые камыши волновались какъ море на громадныхъ болотахъ. Посрединѣ одного изъ прудовъ находился островъ. На островѣ — старый полуразрушенный замокъ.

Я помню, съ какимъ страхомъ я смотрѣлъ всегда на это величавое дряхлое зданіе. О немъ ходили преданія и рассказы одинъ другого страшнѣе. Говорили, что островъ насыпанъ искусственно руками плѣнныхъ турокъ. „На костяхъ челоувѣческихъ стоитъ старое замчище“, передавали старожилы, и мое дѣтское испуганное воображеніе рисовало подъ землей тысячи турецкихъ скелетовъ, поддерживающихъ костлявыми руками островъ съ его высокими пирамидальными тополями и старымъ замкомъ. Отъ этого, понятно, замокъ казался еще

страшнѣе, и даже въ ясные дни, когда, бывало, ободренные свѣтомъ и громкими голосами птицъ, мы подходили къ нему поближе, онъ нерѣдко навондиль на насъ припадкн паническаго ужаса: такъ страшно глядѣли на насъ черныя впадины давно выбитыхъ оконъ; въ пустыхъ залахъ ходилъ таинственный шорохъ; камешки и штукатурка, отрываясь, падали внизъ, будя гулкое эхо, и мы бѣжали безъ оглядки, а за нами долго еще стояли и стукъ, и топотъ, и гоготанье.

А въ бурныя осеннія ночи, когда гиганты-тополи качались и гудѣли отъ налетавшаго изъ-за прудовъ вѣтра, ужасъ разливался отъ стараго замка и царилъ надъ всѣмъ городомъ. „Ой вей-миръ“, пугливо произносили евреи; богобоязненные старыя мѣщанки крестились, и даже нашъ ближайшій сосѣдь-кузнецъ, отрицавшій самое существованіе бѣсовской силы, выходя въ эти часы на свой дворикъ, творилъ крестное знаменіе и шепталъ про себя молитву объ упокоеніи усопшихъ.

Старый сѣдобородый Янушъ, за неимѣніемъ квартиры пріютившійся въ одномъ изъ подваловъ замка, рассказывалъ намъ неоднократно, что въ такія ночи онъ явственно слышалъ, какъ изъ-подъ земли неслись крики. Турки начинали возиться подъ островомъ, стучали костями и громко укоряли пановъ въ жестокости. Тогда въ залахъ стараго замка и вокругъ него на островѣ бряцало оружіе, и паны громкими криками сзывали гайдуковъ. Янушъ слышалъ совершенно явственно подъ ревъ и завываніе бури топотъ коней, звяканье сабель, слова команды. Однажды онъ слышалъ даже, какъ покойный прадѣдъ нынѣшнихъ графовъ, прославленный на вѣчныя вѣки своими кровавыми подвигами, выѣхалъ, стуча копытами своего аргамака, на средину острова и неистово ругался: „Молчите тамъ, лайдаки! пся вяра!“

Потомки этого графа давно уже оставили жилище предковъ. Большая часть дукатовъ и всякихъ сокровищъ, отъ которыхъ прежде ломились сундуки графовъ, перешла за мостъ, въ еврейскія лачуги, и послѣдніе представители славнаго рода выстроили себѣ прозаическое бѣлое зданіе на горѣ,

подальше отъ города. Тамъ протекало ихъ скучное, но все же торжественное существованіе въ презрительно-величавомъ уединеніи. Изрѣдка только старый графъ,—такая же мрачная развалина, какъ и замокъ на островѣ,—появлялся въ городѣ на старой англійской клячѣ. Рядомъ съ нимъ, въ черной амазонкѣ, величавая и сухая, проѣзжала по городскимъ улицамъ его дочь, а сзади почтительно слѣдоваль шталмейстеръ. Величественной графинѣ суждено было навсегда остаться дѣвой. Равные ей по происхожденію женихи, въ погонѣ за деньгами купеческихъ дочекъ за границей, малодушно разсѣялись по свѣту, оставивъ родовые замки или продавъ ихъ на сломъ жидамъ, а въ городишкѣ, разстилавшемся у подножія ея дворца, не было юноши, который бы осмѣлился поднять свои взоры на красавицу-графиню. Завидѣвъ этихъ трехъ всадниковъ, мы, малые ребята, какъ стая птицъ снимались съ мягкой уличной пыли и, быстро разсѣявшись по дворамъ, испуганно-любопытными глазами слѣдили за мрачными владѣльцами страшнаго замка.

Въ западной сторонѣ, на горѣ, среди истлѣвшихъ крестовъ и провалившихся могилъ стояла давно заброшенная уніатская часовня. Это была родная дочь разстилавшагося въ долинѣ собственно обывательскаго города. Нѣкогда въ ней собирались, по звону колокола, горожане въ чистыхъ, хотя и не роскошныхъ „кунтушахъ“, съ палками въ рукахъ вмѣсто сабель, которыми гремѣла мелкая „шляхта“, тоже являвшаяся на зовъ звонкаго уніатскаго колокола изъ окрестныхъ деревень и хуторовъ.

Отсюда былъ виденъ островъ и его темные громадные тополи, но замокъ сердито и презрительно закрывался отъ часовни густою зеленью, и только въ тѣ минуты, когда юго-западный вѣтеръ врывается изъ-за камышей и налеталъ на островъ, тополи гулко качались и изъ-за нихъ проблескивали окна, и замокъ, казалось, кидалъ на часовню угрюмые взгляды. Теперь и онъ и она были трупы. У него глаза потухли, и въ нихъ не сверкали отблески вечерняго солнца; у нея кой-гдѣ провалилась крыша, стѣны осыпались, и вмѣсто гулкаго, съ

высокимъ тономъ, мѣднаго колокола совы заводили въ ней по ночамъ зловѣщія пѣсни.

Но старая историческая рознь, раздѣлявшая нѣкогда гордый панскій замокъ и мѣщанскую уніатскую часовню, продолжалась и послѣ ихъ смерти: ее поддерживали копошившіеся въ этихъ дряхлыхъ трупахъ черви, занимавшіе уцѣлѣвшіе углы, подземелья, подвалы. Этими могильными червями умершихъ зданій были люди.

Было время, когда старый замокъ служилъ даровымъ убѣжищемъ всякому бѣдняку безъ малѣйшихъ ограниченій. Все, что не находило себѣ мѣста въ городѣ, всякое выскочившее изъ колеи существованіе, потерявшее по той или другой причинѣ возможность платить хотя бы и жалкіе гроши за кровъ и уголь на ночь и въ непогоду, — все это тянулось на островъ и тамъ, среди мрачныхъ, грозившихъ паденіемъ развалинъ, преклоняло свои побѣдныя головушки, платя за гостепрѣимство лишь рискомъ быть погребенными подъ грудами стараго мусора. „Живеть въ замкѣ“, — эта фраза стала формулой для выраженія крайней степени нищеты и гражданскаго паденія. Старый замокъ радушно принималъ и покрывалъ и перекатную голь, и временно обнищавшаго писца, и сиротливыхъ старушекъ, и безродныхъ бродягъ. Всѣ эти существа терзали внутренности дряхлаго зданія, обламывая потолки и полы, топили печи, что-то варили, чѣмъ-то питались, — вообще, отправляли неизвѣстнымъ образомъ свои жизненныя функціи.

Однако, настали дни, когда среди этого общества, ютившагося подъ кровомъ сѣдыхъ руинъ, возникло раздѣленіе, пошли раздоры. Тогда старый Янушъ, бывший нѣкогда однимъ изъ мелкихъ графскихъ „офиціалистовъ“, выхлопоталъ себѣ нѣчто въ родѣ владѣтельной хартіи и узурпировалъ бразды правленія. Онъ приступилъ къ преобразованіямъ, и нѣсколько дней на островѣ стоялъ такой шумъ, раздавались такіе вопли, что по временамъ казалось, ужъ не турки ли вырвались изъ подземныхъ темницъ, чтобы отомстить утѣснителямъ-панамъ: это Янушъ сортировалъ населеніе развалинъ, отдѣляя овецъ

отъ козлищъ. Овцы, оставшіяся, попрежнему, въ замкѣ, помогали Янушу изгонять несчастныхъ козлищъ, которыя упирались, выказывая отчаянное, но бесполезное сопротивленіе. Когда, наконецъ, при молчаливомъ, но тѣмъ не менѣе довольно существенномъ содѣйствіи будочника, порядокъ вновь водворился на островѣ, то оказалось, что переворотъ имѣлъ рѣшительно аристократическій характеръ. Янушъ оставилъ въ замкѣ только „добрыхъ христіанъ“, т. е. католиковъ и притомъ преимущественно бывшихъ слугъ или потомковъ слугъ графскаго рода. Это были все какіе-то старики въ потертыхъ сюртукахъ и „чamarкахъ“, съ громадными синими носами и суковатыми палками; старухи, крикливыя и безобразныя, но сохранившія на послѣднихъ ступеняхъ обнищанія свои капоры и салопы. Всѣ они составили однородный, тѣсно сплоченный аристократическій кружокъ, взявшій какъ бы монополию признаннаго нищенства. Въ будни эти старики и старухи ходили, съ молитвой на устахъ, по домамъ болѣе зажиточныхъ горожанъ и средняго мѣщанства, разнося сплетни, жалуясь на судьбу, проливая слезы и клянча. А по воскресеньямъ они же составляли почетнѣйшихъ лицъ изъ той публики, что длинными рядами выстраивалась около костеловъ и величественно принимала подачки во имя „пана Іисуса“ и „панна Богоматери“.

Привлеченные шумомъ и криками, которые во время этой революціи неслись съ острова, я и нѣсколько моихъ товарищей пробрались туда и, спрятавшись за толстыми стволами тополей, наблюдали, какъ Янушъ, во главѣ цѣлой арміи красноносыхъ старцевъ и безобразныхъ мегеръ, гналъ изъ замка послѣднихъ подлежащихъ изгнанію жильцовъ. Наступалъ вечеръ. Туча, нависшая надъ высокими вершинами тополей, уже сыпала дождикомъ. Какія-то несчастныя темныя личности, запахиваясь изорванными до нельзя лохмотьями, испуганныя, жалкія и сконфуженныя, совались по острову, точно кроты, выгнанные изъ норъ мальчишками, стараясь вновь незамѣтно шмыгнуть въ какое-нибудь изъ отверстій замка. Но Янушъ и мегеры съ крикомъ и ругательствами

гоняли ихъ отовсюду, угрожая кочергами и палками, а въ сторонѣ стоялъ молчаливый будочникъ, тоже съ увѣсистой дубиной въ рукахъ и сохранявшій вооруженный нейтралитетъ, очевидно, дружественный торжествующей партіи. И несчастныя темныя личности поневолѣ, понурясь, скрывались за мостомъ, навсегда оставляя островъ, и одна за другой тонули въ слякотномъ сумракѣ быстро спускавшагося вечера.

Съ этого памятнаго вечера и Янушъ и старый замокъ, отъ котораго прежде вѣяло на меня какимъ-то смутнымъ величіемъ, потеряли въ моихъ глазахъ всю свою привлекательность. Бывало, я любилъ приходить на островъ и хотя издали любоваться его сѣрыми стѣнами и замшонною старою крышей. Когда на зарѣ изъ него выползали разнообразныя фигуры, зѣвавшія, кашлявшія и крестившіяся на солнце, я и на нихъ смотрѣлъ съ какимъ-то уваженіемъ, какъ на существа, облеченныя той же таинственностью, которой былъ окутанъ весь замокъ. Они спятъ тамъ ночью, они слышатъ все, что тамъ происходитъ, когда въ огромныя залы сквозь выбитыя окна заглядываетъ луна, или когда въ бурю въ нихъ врывается вѣтеръ. Я любилъ слушать, когда, бывало. Янушъ, усѣвшись подъ тополями, съ болтливостью 70 лѣтняго старика начиналъ рассказывать о славномъ прошломъ умершаго зданія. Передъ дѣтскимъ воображеніемъ вставали, оживая, образы прошедшаго, и въ душу вѣяло величавою грустью и смутнымъ сочувствіемъ къ тому, чѣмъ жили нѣкогда понурья стѣны, и романтическія тѣни чужой старины пробѣгали въ юной душѣ, какъ пробѣгаютъ въ вѣтреныи день легкія тѣни облаковъ по свѣтлой зелени чистаго поля.

Но съ того вечера и замокъ и его бардъ явились передо мной въ новомъ свѣтѣ. Встрѣтивъ меня на другой день вблизи острова, Янушъ сталъ зазывать меня къ себѣ, увѣряя съ довольнымъ видомъ, что теперъ „сынъ такихъ почтенныхъ родителей“ смѣло можетъ посѣтить замокъ, такъ какъ найдетъ въ немъ вполнѣ порядочное общество. Онъ даже привелъ меня за руку къ самому замку, но тутъ я со слезами вырвалъ у него свою руку и пустился бѣжать. Замокъ сталъ мнѣ

отвратителенъ. Окна въ верхнемъ этажѣ были заколочены, а низъ находился во владѣннн капоровъ и салоповъ. Старухи выползали оттуда въ такомъ непривлекательномъ видѣ, льстили мнѣ такъ приторно, ругались между собой такъ громко, что я искренно удивлялся, какъ это строгій покойникъ, усмиравшій турокъ въ бурныя ночи, могъ терпѣть этихъ старухъ въ своемъ сосѣдствѣ. Но главное — я не могъ забыть холодной жестокости, съ которой торжествующіе жильцы замка гнали своихъ несчастныхъ сожителей, а при воспоминаніи о темныхъ личностяхъ, оставшихся безъ крова, у меня сжималось сердце.

Какъ бы то ни было, на примѣрѣ стараго замка я узналъ впервые истину, что отъ великаго до смѣшного одинъ только шагъ. Великое въ замкѣ поросло плющемъ и павиликой, а смѣшное казалось мнѣ отвратительнымъ, слишкомъ рѣзало дѣтскую воспримчивость, такъ какъ иронія этихъ контрастовъ была мнѣ еще недоступна.

II.

Проблематическія природы.

Нѣсколько ночей послѣ описаннаго переворота на островѣ городъ провелъ очень безпокойно: лаяли собаки, скрипѣли двери домовъ, и обыватели, то и дѣло выходя на улицу, стучали палками по заборамъ, давая кому-то знать, что они бодрствуютъ. Городъ зналъ, что по его улицамъ въ ненастной тьмѣ дождливой ночи бродятъ люди, которымъ голодно и холодно, которые дрожатъ и мокнуть; понимая, что въ сердцахъ этихъ людей способны зародиться въ отношеніи къ нему лишь жестокія чувства, городъ насторожился и на встрѣчу этимъ чувствамъ высылалъ лишь угрозу. А ночь, какъ нарочно, спускалась на землю среди холоднаго ливня и уходила, оставляя надъ землею низко бѣгуція тучи. И вѣтеръ бушевалъ среди ненастья, качая верхушки деревьевъ,

стуча ставнями и напѣвая мнѣ въ моей постели о десяткахъ людей, лишенныхъ тепла и крова.

Но вотъ весна окончательно восторжествовала надъ послѣдними порывами зимы, солнце высушило землю, и вмѣстѣ съ тѣмъ бездомные скитальцы куда-то схлынули. Собачій лай по ночамъ угомонился, обыватели перестали стучать по заборамъ, и жизнь города, сонная и однообразная, пошла своей колеей. Горячее юньское солнце, выкатываясь не небо, жгло пыльные улицы, загоняя подъ навѣсы юркихъ сыновъ Израиля, торговавшихъ въ городскихъ лавкахъ; „факторы“ лѣниво валялись на солнцекѣ, зорко выглядывая проѣзжающихъ и „гешефты“; скрипъ чиновничьихъ перьевъ слышался въ открытыя окна присутственныхъ мѣстъ; по утрамъ городскія дамы сновали съ корзинами по базару, а подъ вечеръ важно выступали подъ руку со своими благовѣрными, подымая уличную пыль пышными шлейфами. Старики и старухи изъ замка чинно ходили по домамъ своихъ покровителей, не нарушая общей гармоніи. Обыватель охотно призналъ ихъ право на существованіе, находя совершенно основательно, чтобы кто-нибудь получалъ милостыню по субботамъ, а обитатели стараго замка получали ее вполне респектабельно.

Только несчастные изгнанники не нашли и теперь въ городѣ своей колеи. Правда, они не слонялись по улицамъ ночью; говорили, что они нашли пріютъ гдѣ-то на горѣ, около уніатской часовни, но какъ они ухитрились пристроиться тамъ,—никто не могъ сказать въ точности. Всѣ видѣли только, что съ той стороны, съ горъ и овраговъ, окружавшихъ часовню, спускались въ городъ по утрамъ самыя невѣроятныя и подозрительныя фигуры, которыя въ сумерки удалялись въ томъ же направленіи. Своимъ появленіемъ онѣ возмущали тихое и дремливое теченіе городской жизни, выдѣляясь на сѣренькомъ фонѣ мрачными пятнами. Обыватели косились на нихъ съ враждебной тревогой; онѣ, въ свою очередь, окидывали обывательское существованіе безпокойно внимательными взглядами, отъ которыхъ многимъ становилось жутко. Эти фигуры нисколько не походили на аристократическихъ

нищихъ изъ замка; городъ ихъ не признавалъ, да онѣ и не просили признанія; ихъ отношенія къ городу имѣли чисто боевой характеръ: онѣ предпочитали ругать обывателя, чѣмъ льстить ему; брать самимъ, чѣмъ выпрашивать. Онѣ или жестоко страдали отъ преслѣдованій, если были слабы, или заставляли страдать обывателей, если обладали нужной для этого силой. Притомъ, какъ это случается нерѣдко, среди этой оборванной и темной толпы несчастливцевъ встрѣчались лица, которыя по уму и талантамъ могли бы сдѣлать честь избраннѣйшему обществу замка, но не ужились въ немъ и предпочли демократическое общество уніатской часовни. Нѣкоторыя изъ этихъ фигуръ были отмѣчены чертами глубокаго трагизма.

До сихъ поръ я помню очень живо, какъ весело грохотала улица, когда по ней проходила согнутая, унылая фигура стараго „профессора“. Это было тихое, угнетенное идиотизмомъ существо, въ старой фризовой шинели, въ шапкѣ съ огромнымъ козырькомъ и почернѣвшей кокардой. Ученое званіе, какъ кажется, было присвоено ему вслѣдствіе смутнаго преданія, будто гдѣ-то и когда-то онъ былъ гувернеромъ. Трудно себѣ представить существо болѣе безобидное и смиренное. Обыкновенно онъ тихо бродилъ по улицамъ, повидимому, безъ всякой опредѣленной цѣли, съ тусклымъ взглядомъ и понуренной головой. Досужіе обыватели знали за нимъ два качества, которыми пользовались въ видахъ жестокаго развлеченія. „Профессоръ“ вѣчно бормоталъ что-то про себя, но ни одинъ человѣкъ не могъ разобрать въ этихъ рѣчахъ ни слова. Онѣ лились точно журчаніе мутнаго ручейка, и при этомъ тусклые глаза глядѣли на слушателя, какъ бы стараясь вложить въ его душу неуловимый смыслъ длинной рѣчи. Его можно было завести какъ машину; для этого любому изъ долговязыхъ факторовъ, дремавшихъ на улицахъ, стоило подозвать къ себѣ старика и предложить какой-либо вопросъ. „Профессоръ“ покачивалъ головой, вдумчиво вперивъ въ слушателя свои выцвѣтшіе глаза, и начиналъ бормотать что-то до безконечности грустное. При этомъ слушатель могъ спо-

койно уйти или хотя бы заснуть, и все же, проснувшись, онъ увидѣлъ бы надъ собой печальную темную фигуру, все такъ же тихо бормочущую непонятныя рѣчи. Но само по себѣ это обстоятельство не составляло еще ничего особенно интереснаго. Главный эффектъ уличныхъ верзилъ былъ основанъ на другой чертѣ профессорскаго характера: несчастный не могъ равнодушно слышать упоминанія о рѣжущихъ и колющихъ орудіяхъ. Поэтому, обыкновенно, въ самый разгаръ непонятной элоквенціи слушатель, вдругъ поднявшись съ земли, вскрикивалъ рѣзкимъ голосомъ: „Ножи, ножницы, иголки, булавки!“ Тогда бѣдный старикъ, такъ внезапно пробужденный отъ своихъ мечтаній, взмахивалъ руками, точно подстрѣленная птица, испуганно озирался и хватался за грудь. О, сколько страданій остаются непонятными долговязымъ факторамъ лишь потому, что страдающій не можетъ внушить представленія о нихъ посредствомъ здороваго удара кулакомъ! А бѣдняга-профессоръ только озирался съ глубокой тоской, и невыразимая мука слышалась въ его голосѣ, когда, обращая къ мучителю свои тусклые глаза, онъ говорилъ, судорожно царапая пальцами по груди:

— За сердце... за сердце крючкомъ!.. за самое сердце!..

Вѣроятно, онъ хотѣлъ сказать, что этими криками у него истерзано сердце, но, повидимому, это-то именно обстоятельство и способно было нѣсколько развлечь досужаго и скучающаго обывателя. И бѣдный „профессоръ“ торопливо удалялся, еще ниже опуская голову, точно опасаясь удара, а за нимъ гремѣли раскаты довольнаго смѣха, и досужіе обыватели выскакивали на улицу, а въ воздухѣ, точно удары кнута, хлестали все тѣ же крики: „Ножи, ножницы, иголки, булавки!“

Надо отдать справедливость изгнанникамъ изъ замка: они крѣпко стояли другъ за друга, и если на толпу, преслѣдовавшую „профессора“, налеталъ въ это время съ двумя-тремя оборванцами панъ Туркевичъ или въ особенности отставной штыкъ-юнкеръ Заусайловъ, то многихъ изъ этой толпы постигала жестокая кара. Штыкъ-юнкеръ Заусайловъ, обла-

давший громаднымъ ростомъ, сизобагровымъ носомъ и свирѣпо выкаченными глазами, давно уже объявилъ открытую войну всему живущему, не признавая ни перемирій ни нейтралитетовъ. Всякій разъ послѣ того, какъ онъ натыкался на преслѣдуемаго „профессора“, долго не смолкали его бранные крики; онъ носился тогда по улицамъ подобно Тамерлану, уничтожая все попадавшееся на пути грознаго шествія; такимъ образомъ, онъ практиковалъ еврейскіе погромы задолго до ихъ возникновенія въ широкихъ размѣрахъ; попадавшихся ему въ плѣнъ евреевъ онъ всячески истязалъ, а надъ еврейскими дамами совершалъ гнусности, пока, наконецъ, экспедиція браваго штыкъ-юнкера не кончалась на сѣвзжей, куда онъ неизмѣнно водворялся послѣ жестокихъ схватокъ съ бутарями, при чемъ обѣ стороны проявляли немало геройства.

Другую фигуру, доставлявшую обывателямъ развлеченіе зрѣлищемъ своего несчастія и паденія, представлялъ отставной и совершенно спившійся чиновникъ Лавровскій. Обыватели помнили еще недавнее время, когда Лавровскаго величали не иначе какъ „панъ писарь“, когда онъ ходилъ въ вицмундирѣ съ мѣдными пуговицами, повязывая шею восхитительными платочками. Вѣроятно, это обстоятельство только придавало болѣе пикантности зрѣлищу его настоящаго положенія. Переворотъ въ жизни пана Лавровскаго совершился быстро: для этого стоило только пріѣхать въ Княжье-вѣно блестящему драгунскому офицеру, который прожилъ въ городѣ всего двѣ недѣли, но въ это время успѣлъ побѣдить и увезти съ собою бѣлокурую панну, дочь богатаго трактирщика. Съ тѣхъ поръ обыватели ничего не слыхали о красавицѣ Анѣ, такъ какъ она навсегда исчезла съ ихъ горизонта. А Лавровскій остался со всеми своими цвѣтными платочками, но безъ надежды, которая скрашивала раньше жизнь мелкаго чиновника. Теперь онъ уже давно не служилъ. Гдѣ-то въ маленькомъ мѣстечкѣ осталась его семья, для которой онъ былъ нѣкогда надеждой и опорой; но теперь онъ ни о чемъ не заботился. Въ рѣдкія трезвыя минуты жизни онъ быстро проходилъ по улицамъ, потупясь и ни на кого не глядя,

какъ бы подавляемый стыдомъ собственнаго существованія: ходилъ онъ оборванный, грязный, обросшій длинными нечесаными волосами, выдѣляясь сразу изъ толпы и привлекая всеобщее вниманіе; но самъ онъ какъ будто не замѣчалъ никого и ничего не слышалъ. Изрѣдка только онъ кидалъ кругомъ безумные взгляды, въ которыхъ отражалось недоумѣніе: чего хотятъ отъ него эти чужіе и незнакомые ему люди? Что онъ имъ сдѣлалъ, и почему они такъ упорно преслѣдуютъ его своими насмѣшками? Порой, въ минуты этихъ проблесковъ сознанія, когда до слуха его долетало имя панны съ бѣлокурой косой, въ сердцѣ его поднималось бурное бѣшенство: глаза Лавровскаго загорались мрачнымъ пламенемъ на блѣдномъ лицѣ, и онъ со всѣхъ ногъ кидался на встрѣчу толпѣ, которая быстро разбѣгалась. Подобныя вспышки, хотя и очень рѣдкія, странно подзадоривали любопытство скучающаго бездѣлья; немудрено поэтому, что, когда Лавровскій, потупясь, проходилъ по улицамъ, слѣдовавшая за нимъ толпа, безуспѣшно старавшаяся вывести его изъ апатіи, начинала съ досады швырять въ него грязью и камнями.

Когда же Лавровскій бывалъ пьянъ, то какъ-то упорно выбиралъ темные углы подъ заборами, никогда не просыхавшія лужи и тому подобныя экстраординарныя мѣста, гдѣ онъ могъ рассчитывать, что его не замѣтятъ. Тамъ онъ садился, вытянувъ длинныя ноги и свѣсивъ на грудь свою побѣдную головушку. Уединеніе и водка вызывали въ немъ приливъ откровенности, желаніе излить тяжелое горе, угнетающее душу, и онъ начиналъ безконечныя повѣствованія о своей молодой загубленной жизни. При этомъ онъ обращался къ сѣрымъ столбамъ стараго забора, къ березкѣ, снисходительно шептавшей что-то надъ его головой, къ сорокамъ, которыя съ бабьимъ любопытствомъ подсакивали къ этой мрачной, слегка только копошившейся фигурѣ.

Если кому-либо изъ насъ, малыхъ ребятъ, удавалось выслѣдить его въ этомъ положеніи, мы тихо окружали его и слушали съ замираніемъ сердечнымъ длинныя и ужасающіе рассказы. Волосы становились у насъ дыбомъ, и мы со стра-

хомъ смотрѣли на блѣднаго человѣка, обвинявшаго себя во всевозможныхъ преступленіяхъ. Если вѣрить собственнымъ словамъ Лавровскаго, онъ убилъ родного отца, вогналъ въ могилу мать, заморилъ сестеръ и братьевъ. Мы не имѣли причинъ не вѣрить этимъ ужаснымъ признаніямъ, и насъ только удивляло то обстоятельство, что у Лавровскаго было, повидимому, нѣсколько отцовъ, такъ какъ одному онъ пронзалъ мечомъ сердце, другого изводилъ медленнымъ ядомъ, третьяго топилъ въ какой-то пучинѣ. Мы слушали, объятые ужасомъ и участіемъ, пока языкъ Лавровскаго, все болѣе заплетавшійся, не отказывался, наконецъ, произносить членораздѣльные звуки и благодѣтельный сонъ прекращалъ покаинныя изліянія. Взрослые смѣялись надъ нами, говоря, что все это враки, что родители Лавровскаго умерли своею смертию, отъ голода и болѣзней. Но мы чуткими ребячьими сердцами слышали въ его столахъ вопли искренней скорби и, принимая аллегоріи несчастнаго буквально, были все-таки ближе къ истинному пониманію этой трагически-свихнувшейся жизни.

Когда голова Лавровскаго опускалась еще ниже и изъ горла слышался храпъ, прерываемый нервными всхлипываніями, маленькія дѣтскія головки наклонялись тогда надъ несчастнымъ. Мы внимательно вглядывались въ его лицо, слѣдили за тѣмъ, какъ тѣни преступныхъ дѣяній пробѣгали по немъ и во снѣ, какъ нервно сдвигались брови, и губы сжимались въ жалостную, почти по-дѣтски плачущую гримасу.

— Уб-бью! — вскрикивалъ онъ вдругъ, чувствуя во снѣ безпредметное безпокойство отъ нашего присутствія, и тогда мы кидались врозь напуганной стаей.

Случалось, что въ такомъ положеніи соннаго его заливало дождемъ, засыпало пылью, а нѣсколько разъ, осенью, даже буквально заносило снѣгомъ, и если онъ не погибъ преждевременной смертию, то этимъ, безъ сомнѣнія, былъ обязанъ заботамъ о своей грустной особѣ другихъ подобныхъ ему несчастливцевъ и, главнымъ образомъ, заботамъ веселаго пана Туркевича, который, сильно пошатываясь самъ,

разыскивалъ его, тормошилъ, ставилъ на ноги и уводилъ съ собою.

Панъ Туркевичъ принадлежалъ къ числу людей, которые, какъ онъ самъ выразался, не даютъ себѣ плевать въ кашу, и въ то время, какъ профессоръ и Лавровскій пассивно страдали, Туркевичъ являлъ изъ себя особу веселую и благополучную во многихъ отношеніяхъ.

Начать съ того, что, не справляясь ни у кого объ утверженіи, онъ сразу произвелъ себя въ генералы и требовалъ отъ обывателей соответствующихъ этому званію почестей. Такъ какъ никто не смѣлъ оспаривать его права на этотъ титулъ, то вскорѣ панъ Туркевичъ совершенно проникся и самъ вѣрой въ свое величіе. Выступалъ онъ всегда очень важно, грозно насупивъ брови и обнаруживая во всякое время полную готовность сокрушить кому-нибудь скулы, что, повидимому, считалъ необходимѣйшей прерогативой генеральскаго званія. Если же по временамъ его беззаботную голову посѣщали на этотъ счетъ какія-либо сомнѣнія, то, изловивъ на улицѣ перваго встрѣчнаго обывателя, онъ грозно спрашивалъ:

— Кто я по здѣшнему мѣсту, а?

— Генераль Туркевичъ!— смиренно отвѣчалъ обыватель, чувствовавшій себя въ затруднительномъ положеніи, и тогда Туркевичъ немедленно отпускалъ его, величественно покручивая усы.

— То-то же!

А такъ какъ при этомъ онъ умѣлъ еще совершенно особеннымъ образомъ шевелить своими тараканьими усами и былъ неистощимъ въ прибауткахъ и островахъ, то неудивительно, что его постоянно окружала толпа досужихъ слушателей и ему были даже открыты двери лучшей „рестораціи“, въ которой собирались за бильярдомъ пріѣзжіе помѣщики. Если сказать правду, бывали нерѣдко случаи, когда панъ Туркевичъ вылеталъ оттуда съ быстротой человѣка, котораго подталкиваютъ сзади не особенно церемонно; но случаи эти, объяснявшіеся неуваженіемъ помѣщиковъ къ остроумію, не

оказывали вліянія на общее настроеніе Туркевича; поэтому веселая самоувѣренность составляла нормальное его состояніе, такъ же какъ и постоянное опьянѣніе.

Послѣднее обстоятельство составляло второй источникъ его благополучія; ему достаточно было одной рюмки, чтобы зарядиться на весь день. Объяснялось это огромнымъ количествомъ выпитой уже Туркевичемъ водки, которая превратила его кровь въ какое-то водочное сусло; генералу теперь достаточно было поддерживать это сусло на извѣстной степени концентрации, чтобы оно играло и бурлило въ немъ, окрашивая для него міръ въ радужныя краски.

Зато, если по какой-либо причинѣ дня три генералу не перепало ни одной рюмки, онъ испытывалъ тогда невыносимыя муки. Сначала онъ впадалъ въ меланхолію и малодушіе; всѣмъ было извѣстно, что въ такія минуты грозный генераль становился беспомощнѣе ребенка, и тогда многіе спѣшили выместить на немъ свои обиды. Его били, оплевывали, закидывали грязью, а онъ даже не старался избѣгать поношеній; онъ только ревѣлъ во весь голосъ, и слезы градомъ катились у него изъ глазъ по уныло обвисшимъ усамъ. Бѣдняга обращался ко всѣмъ съ просьбой убить его, мотивируя это желаніе тѣмъ обстоятельствомъ, что ему ему все равно придется помереть „собачьей смертью подъ заборомъ“. Тогда всѣ отъ него отступались: было что-то въ голосѣ и въ лицѣ генерала, что заставляло самыхъ ярыхъ изъ его ненавистниковъ поскорѣе удалиться, чтобы не видѣть этого лица, не слышать голоса человѣка, на короткое время приходившаго къ сознанію своего ужаснаго положенія. Тогда съ генераломъ опять происходила перемѣна; онъ становился ужасенъ; глаза лихорадочно загорались, щеки вваливались, короткіе волосы подымались на головѣ, онъ впадалъ въ изступленіе; быстро поднявшись на ноги, онъ ударялъ себя въ грудь и торжественно отпра-влялся по улицамъ, оповѣщая всѣхъ громкимъ голосомъ:

— Иду!... Какъ Іеремія, иду обличать нечестивыхъ!

Это было сигналомъ, обѣщавшимъ интересное зрѣлище съ обличительной подкладкой. Можно сказать съ увѣренностью,

что панъ Туркевичъ въ такія минуты съ большимъ успѣхомъ выполнялъ всѣ функціи невѣдомой въ нашемъ городишкѣ гласности; поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если самые солидные и занятые граждане бросали обыденныя дѣла и примыкали къ толпѣ, сопровождавшей новоявленного пророка, или хоть издали слѣдили за его похождениями. Обыкновенно онъ прежде всего направлялся къ дому секретаря уѣзднаго суда и открывалъ передъ его окнами нѣчто въ родѣ судебного засѣданія; выбравъ изъ толпы подходящихъ актеровъ, изображавшихъ истцовъ и отвѣтчиковъ, онъ самъ говорилъ за нихъ роли и самъ же отвѣчалъ имъ, подражая съ большимъ искусствомъ голосу и манерѣ обличаемаго. Такъ какъ при этомъ онъ всегда умѣлъ придать своему спектаклю интересъ современности, намекая на какое-нибудь всѣмъ извѣстное дѣло, и такъ какъ, кромѣ того, онъ былъ большой знатокъ судебной процедуры, то немудрено, что въ самомъ скоромъ времени изъ дома секретаря выбѣгала кухарка, что-то совала Туркевичу въ руку и быстро скрывалась, отбиваясь отъ любезностей генеральской свиты. Генераль, получивъ даваніе, злобно хохоталъ и, съ торжествомъ размахивая асигнаціей, отправлялся въ ближайшій кабакъ.

Оттуда, утоливъ нѣсколько жажду, онъ велъ своихъ слушателей къ домамъ „подсудковъ“, видоизмѣняя репертуаръ соотвѣтственно обстоятельствамъ. А такъ какъ каждый разъ онъ получалъ поспектакльную плату, то натурально, что грозный тонъ постепенно смягчался, глаза изступленнаго пророка умасливались, усы закручивались кверху, и представленіе отъ обличительной драмы переходило къ веселому водевилю. Кончалось оно обыкновенно передъ домомъ исправника Коца. Это былъ добродушнѣйшій изъ градоправителей, обладавшій двумя небольшими слабостями: во-первыхъ, онъ красилъ свои сѣдые волосы черной краской, и во-вторыхъ — питалъ пристрастіе къ толстымъ кухаркамъ, полагаясь во всемъ остальномъ на волю Божію и на добровольную обывательскую „благодарность“. Подойдя къ исправницкому дому, выходящему фасадомъ на улицу, Туркевичъ весело подмигивалъ своимъ спутникамъ,

кидалъ вверхъ картузь и объявлялъ громогласно, что здѣсь живеть не начальникъ, а родной его, Туркевича, отецъ и благодѣтель.

Затѣмъ онъ устремлялъ свои взоры на окна и ждалъ послѣдствій. Послѣдствія эти были двоякаго рода: или немедленно же изъ парадной двери выбѣгала толстая и румяная Матрена съ милостивымъ подаркомъ отъ отца и благодѣтеля, или же дверь оставалась закрытой, въ окнѣ кабинета мелькала сердитая старческая физиономія, обрамленная черными какъ смоль волосами, а Матрена тихонько задами прокрадывалась на сѣзжую. На сѣзжей имѣлъ постоянное мѣстожителство бутарь Микита, замѣчательно набившій руку именно въ обращеніи съ Туркевичемъ. Онъ тотчасъ же флегматически откладывалъ въ сторону сапожную колодку и подымался съ своего сидѣнья.

Между тѣмъ Туркевичъ, не видя пользы отъ диѳирамбовъ, понемногу и осторожно начиналъ переходить къ сатиры. Обыкновенно онъ начиналъ сожалѣніемъ о томъ, что его благодѣтель считаетъ зачѣмъ-то нужнымъ красить свои почтенныя сѣдины сапожною ваксой. Затѣмъ, огорченный полнымъ невниманіемъ къ своему краснорѣчію, онъ возвышалъ голосъ, подымалъ тонъ и начиналъ громить благодѣтеля за плачевный примѣръ, подаваемый гражданамъ незаконнымъ сожитіемъ съ Матреной. Дойдя до этого щекотливаго предмета, генераль терялъ уже всякую надежду на примиреніе съ благодѣтелемъ и потому воодушевлялся истиннымъ краснорѣчіемъ негодованія. Къ сожалѣнію, обыкновенно на этомъ именно мѣстѣ рѣчи происходило неожиданное постороннее вмѣшательство: въ окно высовывалось желтое и сердитое лицо Коца, а сзади Туркевича подхватывалъ съ замѣчательной ловкостью подкравшійся къ нему Микита. Никто изъ слушателей не пытался даже предупредить оратора объ угрожающей ему опасности, ибо артистическіе приемы Микиты вызывали всеобщій восторгъ. Генераль, прерванный на полусловѣ, вдругъ какъ-то странно мелькалъ въ воздухѣ, опрокидывался спиной на спину Микиты, и черезъ нѣсколько се-

кундъ дюжій бутарь, слегка согнувшійся подъ своей ношей, среди оглушительныхъ криковъ толпы спокойно направлялся къ кутузкѣ. Еще минута—черная дверь съѣзжей раскрывалась какъ мрачная пасть, и генераль, беспомощно болтавшій ногами, торжественно скрывался во мракѣ кутузки. Неблагодарная толпа кричала Микитѣ „ура!“ и медленно расходилась.

Кромѣ этихъ выдѣлявшихся изъ ряда личностей, около часовни ютилась еще темная масса жалкихъ оборванцевъ, появленіе которыхъ на базарѣ производило всегда большую тревогу среди торговокъ, спѣшившихъ прикрыть свое добро руками, подобно тому, какъ покрываютъ насѣдки своихъ птенцовъ, когда въ небѣ покажется коршунъ. Ходили слухи, что эти жалкія личности, окончательно лишеныя всякихъ ресурсовъ со времени изгнанія изъ замка, составили дружное сообщество и занимались, между прочимъ, мелкимъ воровствомъ въ городѣ и окрестностяхъ. Основывались эти слухи главнымъ образомъ на той безспорной посылкѣ, что человекъ не можетъ существовать безъ пищи; а такъ какъ почти всѣ эти почти темныя личности такъ или иначе отбились отъ обычныхъ способовъ ея добыванія и были оттерты счастливыми изъ замка отъ благъ мѣстной филантропіи, то отсюда слѣдовало неизбежное заключеніе, что имъ было необходимо воровать или умереть. А такъ какъ онѣ не умерли, то... самый фактъ ихъ существованія обращался въ доказательство ихъ преступнаго образа дѣйствій.

Если только это была правда, то несомнѣннымъ являлось также и то, что организаторомъ и руководителемъ сообщества не могъ быть никто другой, какъ панъ Тыбурцій Драбъ, самая замѣчательная личность изъ всѣхъ проблематическихъ натуръ, не ужившихся въ старомъ замкѣ.

Происхожденіе Драба было покрыто мракомъ самой таинственной неизвѣстности. Люди, одаренные сильнымъ воображеніемъ, приписывали ему аристократическое имя, которое онъ покрывъ позоромъ и потому принужденъ былъ скрыться, при чемъ участвовалъ будто бы въ подвигахъ знаменитаго Кармелюка. Но, во-первыхъ, для этого онъ былъ еще не до-

статочно старъ, а во-вторыхъ — наружность пана Тыбурція не имѣла въ себѣ ни одной аристократической черты. Роста онъ былъ высокаго; сильная сутуловатость какъ бы говорила о бремени вынесенныхъ Тыбурціемъ несчастій; крупныя черты лица были грубо-выразительны. Короткіе, слегка рыжеватые волосы торчали врозь; низкій лобъ, нѣсколько выдавшаяся впередъ нижняя челюсть, сильная подвижность личныхъ мускуловъ — придавали всей физиономіи что-то обезьянье; но глаза, сверкавшіе изъ-подъ нависшихъ бровей, смотрѣли какъ-то упорно и мрачно, и въ нихъ свѣтились, вмѣстѣ съ лукавствомъ, острая пронизательность, энергія и недюжинный умъ. Въ то время, какъ на его лицѣ смѣнялся цѣлый калейдоскопъ гримасъ, эти глаза сохраняли постоянно одно выраженіе, отчего мнѣ всегда бывало какъ-то безотчетно жутко смотрѣть на гаерство этого страннаго человѣка.

Руки пана Тыбурція были грубы и покрыты мозолями, большія ноги ступали по-мужичьи. Въ виду этого, общее мнѣніе обывателей не признавало за нимъ аристократическаго происхожденія и самое большее, что соглашалось допустить, это — званіе двороваго человѣка какого-нибудь изъ знатныхъ пановъ. Но тогда опять встрѣчалось затрудненіе: какъ объяснить его феноменальную ученость, которую всѣ признавали единогласно? Да и трудно было не признать очевиднаго факта, такъ какъ не было кабака во всемъ городѣ, въ которомъ бы панъ Тыбурцій, въ назиданіе собиравшихся въ базарные дни хохловъ, не произносилъ, стоя на бочкѣ, цѣлыхъ рѣчей изъ *Цицерона*, цѣлыхъ главъ изъ *Ксенофонта*. Хохлы разѣвали рты и поталкивали другъ друга локтями, а панъ Тыбурцій, возвышаясь въ своихъ лохмотьяхъ надъ всею толпой, громилъ Катилину или описывалъ подвиги Цезаря или коварство Митридата. Хохлы, вообще надѣленные отъ природы богатой фантазіей, умѣли какъ-то влагать свой собственный смыслъ въ эти одушевленные, хотя и непонятныя рѣчи, и когда ударяя себя въ грудь и сверкая глазами, онъ обращался къ нимъ со словами: „*Patres conscripti!*“ — они тоже хмурились и говорили другъ другу:

— Ото жъ, вражій сынъ, якъ лається!

Когда же затѣмъ панъ Тыбурцій, поднявъ глаза къ потолку, начиналъ декламировать длиннѣйшіе латинскіе періоды, усатые слушатели слѣдили за нимъ съ боязливымъ и жалостнымъ участіемъ. Имъ казалось тогда, что душа декламатора витаетъ гдѣ-то въ невѣдомой странѣ, гдѣ говорятъ не похристіански, а по отчаянной жестикуляціи оратора они заключали, что ее тамъ встрѣчаютъ какія-то горестныя приключенія. Но наибольшаго напряженія достигало это участливое вниманіе, когда панъ Тыбурцій, закативъ глаза и поводя одними бѣлками, донималъ аудиторію продолжительной скандовкой *Виргилія* или *Гомера*. Его голосъ звучалъ тогда такими глухими загробными раскатами, что сидѣвшіе по угламъ и наиболѣе подверженные вліянію жидовской горилки слушатели опускали головы, свѣшивали длинныя, подстриженныя спереди „чуприны“ и начинали всхлипывать:

— О-охъ, матиньки!.. та и жалобно жъ, хай ему бісь!

И слезы капали у нихъ изъ глазъ и обильно стекали по длиннымъ усамъ.

Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что, когда ораторъ внезапно соскакивалъ съ бочки и раздражался веселымъ хохотомъ, омраченныя лица хохловъ вдругъ прояснялись, и руки тянулись къ карманамъ широкихъ штановъ за мѣдяками. Обрадованные благополучнымъ окончаніемъ трагическихъ экскурсій пана Тыбурція, хохлы поили его водкой, обнимались съ нимъ и надѣляли его деньгами.

Въ виду такой учености, пришлось построить новую гипотезу о происхожденіи этого чудака, которая бы болѣе соответствовала изложеннымъ фактамъ. Помирились на томъ, что панъ Тыбурцій былъ нѣкогда дворовымъ мальчишкой какого-то графа, который послалъ его вмѣстѣ со своимъ сыномъ въ школу отцовъ іезуитовъ, собственно на предметъ чистки сапогъ молодого панича. Оказалось, однако, что въ то время, какъ молодой графъ воспринималъ преимущественно удары трехвостой „дисциплины“ святыхъ отцовъ, его лакей перехватилъ всю мудрость, которая назначалась для головы его барина.

Вслѣдствіе окружавшей Тыбурція тайны, въ числѣ другихъ профессій ему приписывали также отличныя свѣдѣнія по части колдовскаго искусства. Если на поляхъ, примыкавшихъ волнующимся моремъ къ послѣднимъ лачугамъ предмѣстья, появлялись вдругъ колдовскія „закруты“, то никто не могъ вырвать ихъ съ большей безопасностью для себя и жнецовъ, какъ панъ Тыбурцій. Если зловѣщій „пугачъ“ *) прилеталъ по вечерамъ на чью-нибудь крышу и громкими криками накликалъ туда смерть, то опять приглашали Тыбурція, и онъ съ большимъ успѣхомъ прогонялъ зловѣщую птицу поученіями изъ Тита Ливія.

Никто не могъ бы также сказать, откуда у пана Тыбурція явились дѣти; а между тѣмъ фактъ, хотя и никѣмъ не объясненный, состоялъ налицо... даже два факта: мальчикъ лѣтъ семи, но рослый и развитый не по лѣтамъ, и маленькая трехлѣтняя дѣвочка. Мальчика панъ Тыбурцій привелъ или, вѣрнѣе, принесъ съ собою съ первыхъ дней, какъ явился самъ на горизонтѣ нашего города. Что же касается дѣвочки, то, повидимому, онъ отлучался, чтобы пріобрѣсти ее, на нѣсколько мѣсяцевъ въ совершенно неизвѣстныя страны.

Мальчикъ, по имени Валекъ, высокій, тонкій, черноволосый, угрюмо шатался иногда по городу безъ особеннаго дѣла, заложивъ руки въ карманы и кидая по сторонамъ взгляды, смущавшіе сердца калачницъ. Дѣвочку видѣли только одинъ или два раза на рукахъ пана Тыбурція, а затѣмъ она куда-то исчезла, и гдѣ находилась—никому не было извѣстно.

Поговаривали о какихъ-то подземельяхъ на уніатской горѣ, около часовни, и такъ какъ въ тѣхъ краяхъ, гдѣ такъ часто проходила съ огнемъ и мечомъ татарщина, гдѣ нѣкогда бушевала панская „сваволя“ (своеволіе) и правила кровавую расправу удалцы-гайдамаки, подобныя подземелья очень нерѣдки, то всѣ вѣрили этимъ слухамъ, тѣмъ болѣе, что вѣдь жила же гдѣ-нибудь вся эта толпа темныхъ несчастливцевъ. А они обыкновенно подъ вечеръ исчезали

*) Филинь.

именно въ направленіи къ часовнѣ. Туда своей сонной походкой ковылялъ „профессоръ“; шагаль рѣшительно и быстро панъ Тыбурцій; туда же Туркевичъ, пошатываясь, провожалъ свирѣпаго и безпомощнаго Лавровскаго; туда уходили подъ вечеръ, утопая въ сумеркахъ, другія темныя личности, и не было храбраго человѣка, который бы рѣшился слѣдовать за ними по глинистымъ обрывамъ. Гора, изрытая могилами, пользовалась дурною славой. На старомъ кладбищѣ, во мракѣ осеннихъ ночей, загорались синіе огни, а въ часовнѣ сычи кричали такъ пронзительно и звонко, что отъ криковъ проклятой птицы даже у безстрашнаго кузнеца сжималось сердце.

III.

Я и мой отецъ.

— Плохо, молодой человѣкъ, плохо! — говорилъ мнѣ нерѣдко старый Янушъ изъ замка, встрѣчая меня на улицахъ города въ свитѣ пана Туркевича или среди слушателей пана Драба.

И старикъ качалъ при этомъ своею сѣдой бородою.

— Плохо, молодой человѣкъ, вы въ дурномъ обществѣ!.. Жаль, очень жаль сына почтенныхъ родителей.

Дѣйствительно, съ тѣхъ поръ, какъ умерла моя мать, а сумрачное лицо отца стало еще мрачнѣе, меня очень рѣдко видѣли дома. Въ поздніе лѣтніе вечера я прокрадывался по саду какъ молодой волчонокъ, избѣгая встрѣчи съ отцомъ, отворялъ посредствомъ особыхъ приспособленій свое окно, полузакрытое густою зеленью сирени, и тихо ложился въ постель. Если маленькая сестренка еще не спала въ своей качалкѣ въ сосѣдней комнатѣ, я подходилъ къ ней, и мы тихо ласкали другъ друга и играли, стараясь не потревожить сонъ ворчливой старой няньки.

А утромъ, чуть свѣтъ, когда въ домѣ всѣ еще спали, я

уже прокладывалъ росистый слѣдъ въ густой травѣ сада, перелѣзалъ черезъ заборъ и шелъ къ пруду, гдѣ меня ждали съ удочками такіе же сорванцы-товарищи, или къ мельницѣ, гдѣ сонный мельникъ только-что отодвинулъ шлюзы, и вода, чутко вздрагивая на зеркальной поверхности, кидалась въ „лотоки“ и бодро принималась за дневную работу.

Большія мельничныя колеса, разбуженныя шумливыми толчками воды, тоже вздрагивали, какъ-то нехотя подавались, точно лѣнясь проснуться, но черезъ нѣсколько секундъ уже кружились, брызгая пѣной и купаясь въ холодныхъ струяхъ. За ними медленно и солидно трогались толстые валы, внутри мельницы начинали грохотать шестерни, шуршали жернова, и бѣлая мучная пыль тучами подымалась изъ щелей старого-престарого мельничнаго зданія.

Тогда я шелъ далѣе. Мнѣ нравилось встрѣчать пробужденіе природы; я бывалъ радъ, когда мнѣ удавалось вспугнуть заспавшагося жаворонка или выгнать изъ борозды трусливаго зайца. Капли росы падали съ верхушекъ трясушки, съ головокъ луговыхъ цвѣтовъ, когда я пробирался полями къ загородной рошчѣ. Деревья встрѣчали меня шопотомъ лѣнивой дремоты. Изъ оконъ тюрьмы не глядѣли еще блѣдныя, угрюмыя лица арестантовъ, и только карауль, громко звякая ружьями, обходилъ вокругъ стѣны, смѣняя усталыхъ ночныхъ часовыхъ.

Я успѣвалъ совершить дальній обходъ, и все же въ городѣ то и дѣло встрѣчались мнѣ заспанныя фигуры, отворяшія ставни домовъ. Но вотъ солнце поднялось уже надъ горой, изъ-за прудовъ слышится крикливый звонокъ, сзывающій гимназистовъ, и голодъ заставляетъ меня отправиться домой къ утреннему чаю.

Вообще всѣ меня звали бродягой, негоднымъ мальчишкой и такъ часто укоряли въ разныхъ дурныхъ наклонностяхъ, что я, наконецъ, и самъ проникся этимъ убѣжденіемъ. Отецъ также повѣрилъ этому и дѣлалъ иногда попытки заняться моимъ воспитаніемъ, но попытки эти всегда кончались неудачей. При видѣ строгаго и угрюмаго лица, на которомъ

лежала суровая печать неизлѣчимаго горя, я робѣлъ и замыкался въ себя. Я стоялъ передъ нимъ, переминаясь, теребя свои штанишки и озираясь. По временамъ что-то какъ будто подымалось у меня въ груди; мнѣ хотѣлось, чтобы онъ обнялъ меня, посадилъ къ себѣ на колѣни и приласкалъ. Тогда я прильнулъ бы къ его груди и, быть-можетъ, мы вмѣстѣ заплакали бы—ребенокъ и суровый мужчина—о нашей общей утратѣ. Но онъ смотрѣлъ на меня своими отуманенными глазами, какъ будто устремленными поверхъ моей головы, и я весь сжимался подъ этимъ непонятнымъ для меня взглядомъ.

— Ты помнишь матушку?..

Помнилъ ли я ее? О, да! Я помнилъ ее! Я помнилъ, какъ, бывало, просыпаясь ночью, я искалъ въ темнотѣ ея нѣжныя руки и крѣпко прижимался къ нимъ, покрывая ихъ поцѣлуями. Я помнилъ ее, когда она сидѣла больная передъ открытымъ окномъ и грустно оглядывала чудную весеннюю картину, прощаясь съ нею въ послѣдній годъ своей жизни.

О, да! Я помнилъ ее! Когда она, вся покрытая цвѣтами, молодая и прекрасная, лежала съ печатью смерти на блѣдномъ лицѣ, я какъ звѣрокъ забился въ уголъ и смотрѣлъ на нее горящими глазами, передъ которыми впервые открылся весь ужасъ загадки о жизни и смерти. А потомъ, когда ее унесли въ толпѣ незнакомыхъ людей, не мои ли рыданія звучали сдавленнымъ стономъ въ сумракѣ первой ночи моего сиротства?

О, да! Я ее помнилъ! И теперь часто, въ глухую полночь, я просыпался, полный любви, которая тѣснилась въ груди, переполняя дѣтское сердце. Просыпался съ улыбкой счастья, въ блаженномъ невѣдѣннн, навѣянномъ розовыми снами дѣтства. И опять, какъ прежде, мнѣ казалось, что она со мною, что я сейчасъ встрѣчу ее любящую, милую ласку. Но мои руки протягивались въ пустую тьму, и въ душу проникало сознание горькаго одиночества. Тогда я сжималъ руками свое такъ больно стучавшее сердце, и слезы прожигали горячими струями мои щеки.

О, да! Я помнилъ ее! Но на вопросъ высокаго угрюмаго человѣка, въ которомъ я желалъ, но не могъ почувствовать родную душу, я съеживался еще болѣе и тихо выдергивалъ изъ его руки свою ручонку.

И онъ отворачивался отъ меня съ досадой и болью. Онъ чувствовалъ, что не имѣетъ на меня ни малѣйшаго вліянія, что между нами стоитъ какая-то неодолимая преграда. Онъ слишкомъ любилъ ее, когда она была жива, не замѣчая меня изъ-за своего счастья. Теперь же меня закрывало отъ него тяжкое горе.

И мало-по-малу пропасть, насъ раздѣлявшая, становилась все шире и глубже. Онъ все болѣе убѣждался, что я—дурной, испорченный мальчишка, съ черствымъ, эгоистическимъ сердцемъ, и сознание, что онъ *долженъ*, но *не можетъ* заняться мною, *долженъ* любить меня, но не находитъ для этой любви угла въ своемъ сердцѣ, еще увеличивало его нерасположеніе. И я это чувствовалъ. Порой, спрятавшись въ кустахъ, я наблюдалъ за нимъ; я видѣлъ, какъ онъ шагаль по аллеямъ, все ускоряя походку, и глухо стоналъ отъ нестерпимой душевной муки. Тогда мое сердце сжималось жалостью и сочувствіемъ. Одинъ разъ, когда, сжавъ руками голову, онъ присѣлъ на скамейку и зарыдалъ, я не вытерпѣлъ и выбѣжалъ изъ кустовъ на дорожку, повинувшись неопредѣленному побужденію, толкавшему меня къ этому человѣку. Но онъ, пробужденный отъ мрачнаго и безнадежнаго созерцанія, сурово взглянулъ на меня и осадилъ холоднымъ вопросомъ:

— Что нужно?

Мнѣ ничего не было нужно. Я быстро отвернулся, стыдясь своего порыва, боясь, чтобы отецъ не прочелъ его въ моемъ смущенномъ лицѣ. Убѣжавъ въ чашу сада, я упалъ лицомъ въ траву и горько заплакалъ отъ досады и боли.

Съ шести лѣтъ я испыталъ уже весь ужасъ одиночества.

Сестрѣ Сонѣ было четыре года. Я любилъ ее страстно, и она платила мнѣ такую же любовью; но общій установившійся взглядъ на меня какъ на отпѣтаго маленькаго разбойника успѣлъ воздвигнуть между нами высокую преграду. Всякій

разъ, когда я начиналъ играть съ нею, по-своему шумно и рѣзко, старая нянька, вѣчно сонная и вѣчно дравшая съ закрытыми глазами куриныя перья для подушекъ, немедленно просыпалась, быстро схватывала мою Соню и уносила къ себѣ, кидая на меня сердитые взгляды; въ такихъ случаяхъ она всегда напоминала мнѣ всклокоченную насѣдку; себя я сравнивалъ съ хищнымъ коршуномъ, а Соню—съ маленькимъ пыленкомъ. Мнѣ становилось очень горько и досадно. Немудрено поэтому, что скоро я прекратилъ всякія попытки занимать Соню моими преступными играми, а еще черезъ нѣкоторое время мнѣ стало тѣсно въ домѣ и въ садикѣ, гдѣ я не встрѣчалъ ни въ комъ привѣта и ласки. Я началъ бродяжить. Все мое существо трепетало тогда какимъ-то страннымъ предчувствіемъ, предвкушеніемъ жизни. Мнѣ все казалось, что гдѣ-то тамъ, въ этомъ большомъ и невѣдомомъ свѣтѣ, за старой оградой сада, я найду что-то; казалось, что я что-то долженъ сдѣлать и могу что-то сдѣлать, но я только не зналъ, что именно; а между тѣмъ на встрѣчу этому невѣдомому и таинственному во мнѣ изъ глубины моего сердца что-то подымалось, дразня и вызывая. Я все ждалъ разрѣшенія этихъ вопросовъ и инстинктивно бѣгалъ и отъ няньки съ ея перьями, и отъ знакомаго лѣниваго шопота яблоней въ нашемъ маленькомъ садикѣ, и отъ глупаго стука ножей, рубившихъ на кухнѣ котлеты. Съ тѣхъ поръ къ прочимъ нелестнымъ моимъ эпитетамъ прибавились названія уличнаго мальчишки и бродяги; но я не обращалъ на это вниманія; я притерпѣлся къ упрекамъ и выносилъ ихъ, какъ выносилъ внезапно разражавшійся дождь или солнечный зной. Я хмуро выслушивалъ замѣчанія и поступалъ по-своему. Шатаясь по улицамъ, я всматривался дѣтски-любопытными глазами въ незатѣливую жизнь города съ его лачугами, вслушивался въ гулъ проволокъ на шоссе, вдали отъ городского шума, стараясь уловить, какія вѣсти несутся по нимъ изъ далекихъ большихъ городовъ, или въ шелестъ колосьевъ, или въ шопоть вѣтра на высокихъ гайдамацкихъ могилахъ. Не разъ мои глаза широко раскрывались, не разъ останавливался я съ болѣзнен-

нымъ испугомъ передъ картинами жизненной панорамы; образъ за образомъ, впечатлѣніе за впечатлѣніемъ ложились въ душу яркими пятнами; я узналъ и увидалъ много такого, чего не видали дѣти значительно старше меня; а между тѣмъ то невѣдомое, что подымалось изъ глубины дѣтской души, по-прежнему звучало въ ней несмолкающимъ, таинственнымъ, подмывающимъ, вызывающимъ рокотомъ.

Когда мегеры стараго замка лишили его въ моихъ глазахъ уваженія и привлекательности, когда все углы города стали мнѣ извѣстны до послѣднихъ грязныхъ закоулковъ, тогда я сталъ заглядываться на виднѣвшуюся вдаль, на уніатской горѣ, часовню. Сначала я какъ пугливый звѣрокъ подходилъ къ ней съ разныхъ сторонъ, все не рѣшаясь взобраться на гору, пользовавшуюся дурной славой. Но по мѣрѣ того, какъ я знакомился съ мѣстностью, передо мной выступали только тихія могилы и разрушенные кресты. Нигдѣ не было видно признаковъ какого-либо жилья и человѣческаго присутствія. Все было какъ-то смиренно, тихо, заброшено, пусто. Только самая часовня глядѣла, насупившись, пустыми окнами, точно думала какую-то грустную думу. Мнѣ захотѣлось осмотрѣть ее всю, заглянуть внутрь, чтобы убѣдиться окончательно, что и тамъ нѣтъ ничего, кромѣ пыли. Но такъ какъ одному было бы и страшно и неудобно предпринимать подобную экскурсію, то я навербовалъ на улицахъ города небольшой отрядъ изъ трехъ сорванцовъ, привлеченныхъ къ предпріятію обѣщаніемъ булокъ и яблоковъ изъ нашего сада.

IV.

Я приобретаю новое знакомство.

Мы вышли въ экскурсію послѣ обѣда и, подойдя къ горѣ, стали подыматься по глинистымъ обваламъ, изрытымъ лопатами жителей и весенними потоками. Обвалы обнажали склоны

горы, и кое-гдѣ изъ глины виднѣлись высунувшіяся наружу бѣлыя истлѣвшія кости. Въ одномъ мѣстѣ деревянный гробъ выставлялся истлѣвшимъ угломъ, въ другомъ—скалилъ зубы человѣческой черепъ, уставясь на насъ черными впадинами глазъ.

Наконецъ, помогая другъ другу, мы торопливо взобрались на гору изъ послѣдняго обрыва. Солнце начинало склоняться къ закату. Косвенные лучи мягко золотили зеленую мураву стараго кладбища, играли на старыхъ покосившихся крестахъ, переливались въ уцѣлѣвшихъ окнахъ часовни. Было тихо, вѣяло спокойствіемъ и глубокимъ миромъ брошеннаго кладбища. Здѣсь уже мы не видѣли ни череповъ, ни голеней, ни гробовъ. Зеленая свѣжая трава ровнымъ, слегка склонившимся къ городу пологомъ любовно скрывала въ своихъ объятіяхъ ужасъ и безобразіе смерти.

Мы были одни; только воробьи весело возились кругомъ, да ласточки безшумно влетали и вылетали въ окна старой часовни, которая стояла, какъ-то грустно повурясь, среди поросшихъ травой могилъ, скромныхъ крестовъ, полуразвалившихся каменныхъ гробницъ, на развалинахъ которыхъ стлалась густая зелень, пестрѣли разноцвѣтныя головки лютиковъ, кашки, фіалокъ.

— Нѣтъ никого,—сказаль одинъ изъ моихъ спутниковъ.

— Солнце заходитъ,—замѣтилъ другой, глядя на солнце, которое не заходило еще, но стояло надъ горою.

Дверь часовни была крѣпко заколочена, окна — высоко надъ землею; однако, при помощи товарищей, я надѣялся взобраться на нихъ и заглянуть внутрь часовни.

— Не надо!—вскрикнулъ одинъ изъ моихъ спутниковъ, вдругъ потерявшій всю свою храбрость, и схватилъ меня за руку.

— Пошелъ ко всѣмъ чертямъ, баба! — прикрикнулъ на него старшій изъ нашей маленькой арміи, съ готовностью подставляя спину.

Я храбро взобрался на нее; потомъ онъ выпрямился, и я сталъ ногами на его плечи. Въ такомъ положеніи я безъ

труда досталь рукой раму и, убѣдясь въ ея крѣпости, поднялся къ окну и сѣлъ на немъ.

— Ну, что же тамъ?—спрашивали меня снизу съ живѣйшимъ интересомъ.

Я молчалъ. Перегнувшись черезъ косякъ, я заглянулъ внутрь часовни, и оттуда на меня пахнуло торжественной тишиной брошеннаго храма. Внутренность высокаго узкаго зданія была лишена всякихъ украшеній. Лучи вечерняго солнца, свободно врываясь въ открытыя окна, разрисовывали яркимъ золотомъ старыя ободранныя стѣны. Я увидѣлъ внутреннюю сторону запертой двери, провалившіеся хоры, старыя истлѣвшія колонны, какъ бы покачнувшіяся подъ непосильною тяжестью. Углы были затканы паутиной, и въ нихъ ютилась та особенная тьма, которая залегаетъ во все углы такихъ старыхъ зданій. Отъ окна до пола казалось гораздо дальше, чѣмъ до травы снаружи. Я смотрѣлъ точно въ глубокую яму и сначала не могъ разглядѣть какихъ-то странныхъ предметовъ, маячившихъ на полу причудливыми очертаніями.

Между тѣмъ моимъ товарищамъ надоѣло стоять внизу, ожидая отъ меня извѣстій, и потому одинъ изъ нихъ, продѣлавъ ту же процедуру, какую продѣлалъ я раньше, повисъ рядомъ со мною, держась за оконную раму.

— Престоль,—сказалъ онъ, взглянувъ въ странный предметъ на полу.

— И паникадило.

— Столикъ для евангелія.

— А вонъ тамъ что такое?—съ любопытствомъ указаль онъ на темный предметъ, виднѣвшійся рядомъ съ престоломъ.

— Поповская шапка.

— Нѣтъ, ведро.

— Зачѣмъ же тутъ ведро?

— Можетъ-быть, въ немъ когда-то были угли для кадила.

— Нѣтъ, это, дѣйствительно, шапка. Впрочемъ, можно

посмотрѣть. Давай привяжемъ къ рамѣ поясъ, и ты по немъ спустишься.

— Да какъ же! Такъ и спущусь. Полѣзай самъ, если хочешь.

— Ну, что жъ! Думаешь, не полѣзу?

— И полѣзай!

Дѣйствуя по первому побужденію, я крѣпко связалъ два ремня, задѣлъ ихъ за раму и, отдавъ одинъ конецъ товарищу, самъ повисъ на другомъ. Когда моя нога коснулась пола, я вздрогнулъ; но взгляды на участливо склонившуюся ко мнѣ рожицу моего пріятеля возстановилъ мою бодрость, и я храбро ступилъ на полъ. Стукъ каблука зазвенѣлъ поды потолкомъ, отдался въ пустотѣ часовни, въ темныхъ углахъ. Нѣсколько воробьевъ вспорхнули съ насиженныхъ мѣстъ на хорахъ и вылетѣли въ большую прорѣху въ крышѣ. Со стѣны, на окнахъ которой мы сидѣли, глянуло на меня вдругъ строгое лицо, съ бородой, въ терновомъ вѣнцѣ. Это склонялось изъ-подъ самага потолка гигантское распятіе.

Мнѣ было жутко; глаза моего друга сверкали захватывающимъ духъ любопытствомъ и участіемъ.

— Ты подойдешь? — спросилъ онъ тихо.

— Подойду, — отвѣтилъ я такъ же, собираясь съ духомъ.

Но въ эту минуту случилось нѣчто до того неожиданное и ужасное, что кровь сразу застыла у меня въ жилахъ.

Сначала послышался стукъ и шумъ обвалившейся на хорахъ штукатурки. Что-то завозилось вверху, тряхнуло въ воздухѣ тучею пыли, и большая сѣрая масса, взмахнувъ крыльями, поднялась къ прорѣхѣ въ крышѣ. Часовня на мгновеніе какъ будто потемнѣла. Огромная старая сова, обезпокоенная нашей возней, вылетѣла изъ темнаго угла, мелькнула, распластавшись, на фонѣ голубого неба въ пролетѣ и шарахнулась вонъ.

Я почувствовалъ приливъ судорожнаго страха.

— Подымай! — крикнулъ я товарищу, схватившись за ремень.

— Не бойся, не бойся!—успокоивалъ онъ, приготовляясь поднять меня на свѣтъ дня и солнца.

Но вдругъ я увидѣлъ, что лицо его исказилось отъ ужаса; онъ вскрикнулъ и мгновенно исчезъ, спрыгнувъ съ окна. Я инстинктивно оглянулся и увидѣлъ странное явленіе, поразившее меня, впрочемъ, больше удивленіемъ, чѣмъ ужасомъ.

Темный предметъ нашего спора, шапка или ведро, оказавшійся въ концѣ концовъ горшкомъ, мелькнулъ въ воздухѣ и на глазахъ моихъ скрылся подъ престоломъ. Я успѣлъ только разглядѣть смутныя очертанія небольшой, какъ будто дѣтской руки, увлекавшей его въ это убѣжище.

Трудно передать мои ощущенія въ эту минуту. Я не страдалъ; чувство, которое я испытывалъ, нельзя даже назвать страхомъ. Я былъ на томъ свѣтѣ. Откуда-то, точно изъ другого міра, въ теченіе нѣсколькихъ секундъ доносился до меня быстрой дробью тревожный топотъ трехъ паръ дѣтскихъ ногъ. Но вскорѣ затихъ и онъ. Я былъ одинъ, точно въ мрачномъ гробу, въ виду какихъ-то странныхъ и необъяснимыхъ явленій.

Времени для меня не существовало, поэтому я не могу сказать, скоро ли я услышалъ подъ престоломъ сдержанный шопотъ:

— Почему же онъ не лѣзетъ себѣ назадъ?

— Видишь, испугался.

Первый голосъ показался мнѣ совсѣмъ дѣтскимъ; второй могъ принадлежать мальчику моего возраста. Мнѣ показалось также, что въ щели стараго престола сверкнула пара черныхъ глазъ.

— Что жъ онъ теперь будетъ дѣлать?—послышался опять шопотъ.

— А вотъ погоди,—отвѣтилъ голосъ постарше.

Подъ престоломъ что-то сильно завозилось, онъ даже какъ будто покачулся, и въ то же мгновеніе изъ-подъ него вынырнула фигура.

Это былъ мальчикъ лѣтъ девяти, больше меня, худощавый и тонкій какъ тростинка. Одѣтъ онъ былъ въ грязной

рубашкѣ, руки держалъ въ карманахъ узкихъ и короткихъ штанишекъ. Темные курчавые волосы лохматились надъ черными задумчивыми глазами.

Хотя незнакомецъ, явившійся на сцену столь неожиданнымъ и страннымъ образомъ, подходилъ ко мнѣ съ тѣмъ безконечно-задорнымъ видомъ, съ какимъ всегда на нашемъ базарѣ подходили другъ къ другу мальчишки, готовившіеся вступить въ драку, но все же, увидѣвъ его, я сильно ободрился. Я ободрился еще болѣе, когда изъ-подъ того же престола или, вѣрнѣе, изъ люка въ полу часовни, который онъ покрывалъ, сзади мальчика показалось еще одно грязное личико, обрамленное бѣлокурыми волосами и сверкавшее на меня дѣтски-любопытными голубыми глазами.

Я нѣсколько отодвинулся отъ стѣны и, согласно рыцарскимъ правиламъ нашего рынка, тоже положилъ руки въ карманы. Это было признакомъ, что я не боюсь противника и даже отчасти намекаю на мое къ нему презрѣніе.

Мы встали другъ противъ друга и обмѣнялись взглядами. Оглядѣвъ меня съ головы до ногъ, мальчишка спросилъ:

— Ты здѣсь зачѣмъ?

— Такъ,—отвѣтилъ я.—Тебѣ какое дѣло?

Мой противникъ повелъ плечомъ, какъ будто намѣреваясь вынуть руку изъ кармана и ударить меня.

Я не моргнулъ и глазомъ.

— Я вотъ тебѣ покажу! —погрозилъ онъ.

Я выпятился грудью впередъ.

— Ну, ударь!.. Попробуй!..

Мгновеніе было критическое: отъ него зависѣлъ характеръ дальнѣйшихъ отношеній. Я ждалъ, но мой противникъ, окинувъ меня тѣмъ же испытующимъ взглядомъ, не шевелился.

— Я, братъ, и самъ... тоже... —сказалъ я, но уже болѣе миролюбиво.

Между тѣмъ, дѣвочка, опершись маленькими ручонками въ полъ часовни, старалась тоже выкарабкаться изъ люка. Она падала, вновь приподымалась и, наконецъ, направилась нетвердыми шагами къ мальчишкѣ. Подойдя вплотъ, она

крѣпко ухватила за него и, прижавшись къ нему, устремила на меня удивленный и отчасти испуганный взглядъ.

Это рѣшило исходъ дѣла; стало совершенно ясно, что въ такомъ положеніи мальчишка не могъ драться, а я, конечно, тоже былъ слишкомъ великодушень, чтобы воспользоваться его неудобнымъ положеніемъ.

— Какъ твое имя?—спросилъ мальчикъ, глядя рукой бѣлокурую головку дѣвочки.

— Вася. А ты кто такой?

— Я—Валекъ... Я тебя знаю: ты живешь въ саду надъ прудомъ. У васъ большія яблоки.

— Да, это правда... яблоки у насъ хорошія... не хочешь ли?

Вынувъ изъ кармана два яблока, предназначавшіяся для расплаты съ моей постыдно бѣжавшей арміей, я подаль одно изъ нихъ Валеку, другое протянулъ дѣвочкѣ. Но она скрыла свое лицо, прижавшись къ Валеку.

— Бойся, — сказалъ тотъ и самъ передалъ яблоко дѣвочкѣ. — Зачѣмъ ты влѣзь сюда? Развѣ я когда-нибудь лазилъ въ вашъ садъ?—спросилъ онъ затѣмъ.

— Что жъ, приходи! Я буду радъ, — отвѣтилъ я радушно. Отвѣтъ этотъ озадачилъ Валека; онъ призадумался.

— Я тебѣ не компанія, — сказалъ онъ грустно.

— Отчего жъ?—спросилъ я, искренно огорченный грустнымъ тономъ, какимъ были сказаны эти слова.

— Твой отецъ—панъ судья.

— Ну, такъ что же? — изумился я совершенно чистосердечно. — Вѣдь ты будешь играть со мной, не съ отцомъ.

Валекъ покачалъ головой.

— Тыбурцій не пустить, — сказалъ онъ и, какъ будто это имя напомнило ему что-то, онъ вдругъ спохватился: — Послушай, ты славный хлопецъ, но все-таки тебѣ лучше уйти. Если Тыбурцій тебя застанетъ, — плохо будетъ!

Я согласился, что мнѣ, дѣйствительно, пора уходить. Последніе лучи солнца уходили уже сквозь окна часовни, а до города было не близко.

— Какъ же мнѣ отсюда выйти?

— Я тебѣ укажу дорогу. Мы выйдемъ вмѣстѣ.

— А она?—ткнулъ я пальцемъ въ нашу маленькую даму.

— Маруся? Она тоже пойдетъ съ нами.

— Какъ! въ окно?

Валекъ задумался.

— Нѣтъ, вотъ что: я тебѣ помогу взобраться на окно, а сами мы выйдемъ другимъ ходомъ.

Съ помощью моего новаго пріятеля я поднялся къ окну. Отвязавъ ремень, я обвилъ его вокругъ рамы и, держась за оба конца, повисъ въ воздухѣ. Затѣмъ, отпустивъ одинъ конецъ, я спрыгнулъ на землю и выдернулъ ремень. Валекъ и Маруся ждали меня уже подъ стѣной, снаружи.

Солнце недавно еще сѣло за гору. Городъ утонулъ въ лилово-туманной тѣни, и только верхушки высокихъ тополей на островѣ рѣзко выдѣлялись червоннымъ золотомъ, разрисованныя послѣдними лучами заката. Мнѣ казалось, что съ тѣхъ поръ, какъ я явился сюда, на старое кладбище, прошло не менѣ сутокъ, что это было вчера.

— Какъ хорошо!—сказалъ я, охваченный свѣжестью наступающаго вечера и вдыхая полной грудью влажную прохладу.

— Скучно здѣсь,—съ грустью произнесъ Валекъ.

— Вы все здѣсь живете?—спросилъ я, когда мы втроемъ стали спускаться съ горы.

— Здѣсь.

— Гдѣ же вашъ домъ?

Я не могъ себѣ представить, чтобы подобныя мнѣ дѣти могли жить безъ „дома“.

Валекъ усмѣхнулся съ обычнымъ ему грустнымъ видомъ и ничего не отвѣтилъ.

Мы миновали крутые обвалы, такъ какъ Валекъ зналъ болѣе удобную дорогу. Пройдя межъ камышей по высохшему болоту и переправившись черезъ ручеекъ по тонкимъ дощечкамъ, мы очутились у подножія горы, на равнинѣ.

Тутъ надо было разстаться. Пожавъ руку моему новому

знакомому, я протянулъ ее также и дѣвочкѣ. Она ласково подала мнѣ свою крохотную ручонку и, глядя снизу вверхъ голубыми глазами, спросила:

— Ты придешь къ намъ опять?

Приду, — отвѣтилъ я. — Непремѣнно.

— Что жъ, — сказалъ въ раздумьи Валекъ, — приходи, пожалуйста, только въ такое время, когда наши будутъ въ городѣ.

— Кто это „ваши“?

— Да наши... всѣ... Тыбурцій, Лавровскій, Туркевичъ... Профессоръ... тотъ, пожалуйста, не помѣшаетъ.

— Хорошо. Я высмотрю, когда они будутъ въ городѣ, и тогда приду. А пока прощайте!

— Эй, послушай - ка! — крикнулъ мнѣ Валекъ, когда я отошелъ нѣсколько шаговъ. — А ты болтать на будешь о томъ, что былъ у насъ?

— Никому не скажу, — отвѣтилъ я твердо.

— Ну, вотъ, это хорошо! А этимъ твоимъ дуракамъ, когда станутъ приставать, скажи, что видѣлъ чорта.

— Ладно, скажу.

— Ну, прощай!

— Прощай!

Густыя сумерки залегли надъ Княжымъ - вѣномъ, когда я приблизился къ забору своего сада. Надъ замкомъ зарисовался тонкій серпъ луны, загорѣлись звѣзды. Я хотѣлъ уже подняться на заборъ, какъ кто - то схватилъ меня за руку.

— Вася, другъ! — заговорилъ взволнованнымъ шопотомъ мой бѣжавшій товарищъ. — Какъ же это ты?.. Голубчикъ!..

— А вотъ, какъ видишь!.. А вы всѣ меня бросили!..

Онъ потупился, но любопытство взяло верхъ надъ чувствомъ стыда, и онъ спросилъ опять:

— Что же тамъ было?

— Что? — отвѣтилъ я тономъ, не допускавшимъ сомнѣнія. — Разумѣется, черти!.. А вы — трусы.

И, отмахнувшись отъ сконфуженнаго товарища, я полѣзъ на заборъ.

Черезъ четверть часа я спалъ уже глубокимъ сномъ, и во снѣ мнѣ видѣлись дѣйствительные черти, весело выскакивавшіе изъ чернаго люка. Валекъ гонялъ ихъ ивовымъ прутикомъ, а Маруся, весело сверкая глазками, смѣялась и хлопала въ ладоши.

V.

Знакомство продолжается.

Съ этихъ поръ я весь былъ поглощенъ моимъ новымъ знакомствомъ. Вечеромъ, ложась въ постель, и утромъ, вставая, я только и думалъ о предстоящемъ визитѣ на гору. По улицамъ города я шатался теперь съ исключительной цѣлью — высмотрѣть, тутъ ли находится вся компанія, которую Янушъ характеризовалъ словами „дурное общество“; и если Лавровскій валялся въ лужѣ, если Туркевичъ и Тыбурцій разглагольствовали передъ своими слушателями, а темныя личности шныряли по базару, я тотчасъ же бѣгомъ отправлялся черезъ болото, на гору, къ часовнѣ, предварительно наполнивъ карманы яблоками, которыя я могъ рвать въ саду безъ запрету, и лакомствами, которыя я сберегалъ всегда для своихъ новыхъ друзей.

Валекъ, вообще очень солидный и внушавшій мнѣ уваженіе своими манерами взрослого человѣка, принималъ эти приношенія просто и по большей части откладывалъ куда-нибудь, приберегая для сестры; но Маруся всякій разъ всплескивала ручонками, и глаза ея загорались огонькомъ неподдѣльнаго восторга; блѣдное лицо дѣвочки вспыхивало румянцемъ, она смѣялась, и этотъ смѣхъ нашей маленькой пріятельницы отдавался въ нашихъ сердцахъ, вознаграждая за конфеты, которыми мы жертвовали въ ея пользу.

Это было блѣдное крошечное созданіе, напоминавшее цвѣтокъ, выросшій безъ живительныхъ лучей солнца. Несмотря на свои четыре года, она ходила еще плохо, не-

увѣренно ступая кривыми ножками и шатаясь какъ былинка; руки ея были тонки и прозрачны; головка покачивалась на тонкой шеѣ какъ головка полевого колокольчика, но глаза смотрѣли порой такъ не по-дѣтски грустно, и улыбка такъ напоминала мнѣ мою мать въ послѣдніе дни, когда она, бывало, сидѣла противъ открытаго окна, и вѣтеръ шевелилъ ея бѣлокурые волосы, что мнѣ, при взглядѣ на это дѣтское личико, становилось самому грустно, и слезы подступали къ глазамъ.

Я невольно сравнивалъ ее съ моей сестрой; онѣ были въ одномъ возрастѣ, но моя Соня была кругла какъ пышка и упруга какъ мячикъ. Она такъ рѣзво бѣгала, когда, бывало, разыграется, такъ звонко смѣялась, на ней всегда были такія красивыя платья, и въ темныя косы ей каждый день горничная вплетала алую ленту.

А моя маленькая пріятельница почти никогда не бѣгала и смѣялась очень рѣдко; когда же смѣялась, то смѣхъ ея звучалъ какъ самый маленькій серебряный колокольчикъ, котораго на десять шаговъ уже не слышно. Платье ея было грязно и старо, въ косѣ не было лентъ, но волосы у нея были гораздо больше и роскошнѣе, чѣмъ у Сони, и Валека, къ моему удивленію, очень искусно умѣлъ заплетать ихъ, что и исполнялъ каждое утро.

Я былъ большой сорванецъ. „У этого малаго, — говорили обо мнѣ старшіе, — руки и ноги налиты ртутью“, чему я и самъ вѣрилъ, хотя не представлялъ себѣ ясно, кто и какимъ образомъ произвелъ надо мной эту операцію. Въ первые же дни я внесъ свое оживленіе и въ общество моихъ новыхъ знакомыхъ. Едва ли эхо старой „каплицы“ повторяло когда-нибудь такіе громкіе возгласы, какъ въ это время, когда я старался расшевелить и завлечь въ свои игры Валека и Марусю. Однако, это удавалось плохо. Валека серьезно смотрѣлъ на меня и на дѣвочку, и разъ, когда я заставлялъ ее бѣгать со мной взапуски, онъ сказалъ:

— Нѣтъ, она сейчасъ заплачетъ.

Дѣйствительно, когда я растормошилъ ее и заставилъ

бѣжать, Маруся, слышавъ мои шаги за собой, вдругъ повернулась ко мнѣ, поднявъ ручки надъ головой, точно для защиты, посмотрѣла на меня безпомощнымъ взглядомъ захлопнутой пташки и громко заплакала. Я совсѣмъ растерялся.

— Вотъ видишь, — сказалъ Валекъ, — она не любитъ играть.

Онъ усадилъ ее на траву, нарвалъ цвѣтовъ и кинулъ ей; она перестала плакать и тихо перебирала растенія, что-то говорила, обращаясь къ золотистымъ лютикамъ, и подносила къ губамъ синіе колокольчики. Я тоже присмирѣлъ и легъ рядомъ съ Валекомъ около дѣвочки.

— Отчего она такая? — спросилъ я, наконецъ, указывая глазами на Марусю.

— Невеселая? — переспросилъ Валекъ и затѣмъ сказалъ тономъ совершенно убѣжденнаго человѣка: — А это, видишь ли, отъ сѣраго камня...

— Да-а, — повторила дѣвочка, точно слабое эхо, — это отъ сѣраго камня...

— Отъ какого сѣраго камня? — переспросилъ я, не понимая.

— Сѣрый камень высосалъ изъ нея жизнь, — пояснилъ опять Валекъ, попрежнему смотря на небо. — Такъ говоритъ Тыбурцій... Тыбурцій хорошо знаетъ.

— Да-а, — опять повторила тихимъ эхомъ дѣвочка, — Тыбурцій все знаетъ.

Я ничего не понималъ въ этихъ загадочныхъ словахъ, которыя Валекъ повторялъ за Тыбурціемъ; однако, аргументъ, что Тыбурцій все знаетъ, произвелъ и на меня свое дѣйствіе. Я приподнялся на локтѣ и взглянулъ на Марусю. Она сидѣла въ томъ же положеніи, въ какомъ усадилъ ее Валекъ, и все такъ же перебирала цвѣты; движенія ея тонкихъ рукъ были медленны; глаза выдѣлялись глубокой синевою на блѣдномъ лицѣ; длинныя рѣсницы были опущены. При взглядѣ на эту крохотную грустную фигурку мнѣ стало ясно, что въ словахъ Тыбурція, хотя я и не понималъ ихъ значенія, заклю-

чается горькая правда. Несомнѣнно, кто-то высасываетъ жизнь изъ этой странной дѣвочки, которая плачетъ тогда, когда другія на ея мѣстѣ смѣются. Но какъ же можетъ сдѣлать это сѣрый камень?

Это было для меня загадкой, страшнѣе всѣхъ призраковъ стараго замка. Какъ ни ужасны были турки, томившіеся подъ землею, какъ ни грозенъ старый графъ, усмирявшій ихъ въ бурныя ночи, но всѣ они отзывались фантастическими ужа-сами старой сказки. А здѣсь что-то невѣдомо-страшное было воочію. Что-то безформенное, неумолимое, твердое и жесто-кое какъ камень склонялось надъ маленькой головкой, выса-сывая изъ нея румянецъ, блескъ глазъ и живость движеній. „Должно-быть, это бываетъ по ночамъ“, думалъ я, и чувство щемящаго до боли сожалѣнія сжимало мнѣ сердце.

Подъ вліяніемъ этого чувства я тоже умѣрилъ свою рѣз-вость. Примѣняясь къ тихой солидности нашей дамы, оба мы съ Валекомъ, усадивъ ее гдѣ-нибудь на травѣ, собирали для нея цвѣты, разноцвѣтные камешки, ловили бабочекъ, иногда дѣлали изъ кирпичей ловушки для воробьевъ. Иногда же, растянувшись около нея на травѣ, смотрѣли въ небо, какъ плывутъ облака высоко надъ лохматою крышей старой „кап-лицы“, рассказывали Марусѣ сказки или бесѣдовали другъ съ другомъ.

Эти бесѣды съ каждымъ днемъ все больше закрѣпляли нашу дружбу съ Валекомъ, которая росла, несмотря на рѣз-кую противоположность нашихъ характеровъ. Моей поры-вистой рѣзвости онъ противопоставлялъ грустную солидность и внушалъ мнѣ почтеніе своей авторитетностью и независи-мымъ тономъ, съ какимъ отзывался о старшихъ. Кромѣ того, онъ часто сообщалъ мнѣ много новаго, о чемъ я раньше и не думалъ. Слыша, какъ онъ отзывался о Тыбурціи, точно о товарищѣ, я спросилъ:

— Тыбурцій тебѣ отецъ?

— Должно-быть, отецъ, — отвѣтилъ онъ задумчиво, какъ будто этотъ вопросъ не приходилъ ему въ голову.

— Онъ тебя любитъ?

— Да, любить.—сказаль онъ уже гораздо увѣреннѣе.— Онъ постоянно обо мнѣ заботится и, знаешь, иногда онъ цѣлуетъ меня и плачетъ...

— И меня любить и тоже плачетъ,—прибавила Маруся съ выраженіемъ дѣтской гордости.

— А меня отецъ не любить,—сказаль я грустно.—Онъ никогда не цѣловаль меня... онъ нехорошій.

— Неправда, неправда!—возразиль Валекъ,—ты не понимаешь. Тыбурцій лучше знаетъ. Онъ говоритъ, что судья—самый лучший человекъ въ городѣ и что городу давно бы уже надо провалиться, если бы не твой отецъ да еще попъ, котораго недавно посадили въ монастырь, да еврейскій раввинъ. Вотъ изъ-за нихъ троихъ...

— Что изъ-за нихъ?

— Городъ изъ-за нихъ еще не провалися. Такъ говоритъ Тыбурцій... потому что они еще за бѣдныхъ людей заступаются... А твой отецъ, знаешь... онъ засудиль даже одного графа.

— Да, это правда... графъ очень сердился... я слышаль.

— Ну, вотъ видишь! А вѣдь графа засудить—не шутка!

— Почему?

— Почему?—переспросиль Валекъ, нѣсколько озадаченный.—Потому что графъ—не простой человекъ... Графъ дѣлаеть, что хочеть, и ѣздитъ въ каретѣ... и потомъ... у графа деньги; онъ далъ бы другому судѣ денегъ, и тотъ бы его не засудиль, а засудиль бы бѣднаго.

— Да, это правда; я слышаль, какъ графъ кричалъ у насъ въ квартирѣ: „Я васъ всѣхъ могу купить и продать!“

— А судья что?

— А отецъ говоритъ ему: „Подите отъ меня вонъ!“

— Ну, вотъ, вотъ! И Тыбурцій говоритъ, что онъ не боится прогнать богатаго, а когда къ нему пришла старая Иваниха съ костылемъ, онъ велѣль принести ей стулъ. Вотъ онъ какой! Даже и Туркевичъ не дѣлаеть никогда подъ его окнами скандаловъ.

Это была правда: Туркевичъ во время своихъ обличи-

тельныхъ экскурсій всегда молча проходилъ мимо нашихъ оконъ, иногда даже снимая шапку.

Все это заставило меня глубоко задуматься. Валець указалъ мнѣ моего отца съ такой стороны, съ какой мнѣ никогда не приходило въ голову взглянуть на него; слова Валека задѣли въ моемъ сердцѣ струну сыновней гордости; мнѣ было пріятно слушать похвалы моему отцу, высказываемыя отъ имени Тыбурція, который „все знаетъ“; но вмѣстѣ съ тѣмъ дрогнула въ моемъ сердцѣ и нота шемящей любви, смѣшанной съ горькимъ сознаниемъ, что никогда этотъ человекъ не любилъ и не полюбитъ меня такъ, какъ Тыбурцій любить своихъ дѣтей.

VI.

Среди „сѣрыхъ камней“.

Прошло еще нѣсколько дней. Члены дурного общества перестали являться въ городѣ, и я напрасно шатался, скучая, по улицамъ, ожидая ихъ появленія, чтобы бѣжать на гору. Одинъ только „профессоръ“ прошелъ раза два своей сонной походкой, но ни Туркевича ни Тыбурція не было видно. Я совсѣмъ соскучился, такъ какъ не видѣть Валека и Марусю стало уже для меня большимъ лишеніемъ. Но вотъ, когда я однажды шелъ съ опущенной головой по пыльной улицѣ, Валець вдругъ положилъ мнѣ на плечо руку.

— Отчего ты пересталъ къ намъ ходить?—спросилъ онъ.

— Я боялся... Вашихъ не видно въ городѣ.

— А-а! Я и не догадался сказать тебѣ: нашихъ нѣтъ, приходи... А я было подумалъ совсѣмъ другое.

— А что?

— Я подумалъ, что тебѣ ужъ наскучило.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Я, братъ, сейчасъ побѣгу, — заторопился я, — даже и яблоки со мною.

При упоминаніи о яблокахъ Валець быстро повернулся

ко мнѣ, какъ будто хотѣлъ что-то сказать, но не сказалъ ничего и только посмотрѣлъ на меня страннымъ взглядомъ.

— Ничего, ничего!—отмахнулся онъ, видя, что я смо-
трю на него съ ожиданіемъ.—Ступай прямо на гору, а я тутъ
зайду кой-куда... дѣло есть. Я тебя догоню на дорогѣ.

Я пошелъ тихо и часто оглядывался, ожидая, что Валекъ
меня догонитъ; однако, я успѣлъ взойти на гору и подошелъ
къ часовнѣ, а его все не было. Я остановился въ недоумѣніи:
передо мной было только кладбище, пустынное и тихое, безъ
малѣйшихъ признаковъ обитаемости; только воробьи чирикали
на свободѣ, да густые кусты черемухи, жимолости и сирени,
прижимаясь къ южной стѣнѣ часовни, о чемъ-то тихо шепта-
лись густо-разросшейся темной листвою.

Я оглянулся кругомъ. Куда же мнѣ теперь итти? Оче-
видно, надо дожидаться Валека. А пока я сталъ ходить между
могилами, присматриваясь къ нимъ отъ нечего дѣлать и ста-
раясь разобрать стертыя надписи на обросшихъ мхомъ над-
гробныхъ камняхъ. Шатаясь, такимъ образомъ, отъ могилы
къ могилѣ, я наткнулся на полуразрушенный просторный
склепъ. Крыша его была сброшена или сорвана непогодой и
валялась тутъ же. Дверь была заколочена. Изъ любопытства
я приставилъ къ стѣнѣ старый крестъ и, взобравшись по немъ,
заглянулъ внутрь. Гробница была пуста, только въ серединѣ
пола была вдѣлана оконная рама со стеклами, и сквозь эти
стекла зіяла темная пустота подземелья.

Пока я разсматривалъ гробницу, удивляясь странному на-
значенію окна, на гору взбѣжалъ запыхавшійся и усталый Ва-
лекъ. Въ рукахъ у него была большая еврейская булка, за
пазухой что-то оттопырилось, по лицу стекали капли пота.

— Ага!—крикнулъ онъ, замѣтивъ меня,—ты вотъ гдѣ!
Если бы Тыбурцій тебя здѣсь увидѣлъ, то-то бы разсердился!
Ну, да теперь ужъ дѣлать нечего... Я знаю, ты хлопецъ хо-
рошій и никому не расскажешь, какъ мы живемъ. Пойдемъ
къ намъ!

— Гдѣ же это, далеко?—спросилъ я.

— А вотъ увидишь. Ступай за мной.

Онъ раздвинулъ кусты жимолости и сирени и скрылся въ зелени подъ стѣной часовни; я послѣдовалъ туда за нимъ и очутился на небольшой, плотно утоптанной площадкѣ, которая совершенно скрывалась въ зелени. Между стволами черемухъ я увидѣлъ въ землѣ довольно большое отверстіе, съ земляными ступенями, ведущими внизъ. Валекъ спустился туда, приглашая меня за собой, и черезъ нѣсколько секундъ мы оба очутились въ темнотѣ, подъ землею. Взявъ мою руку, Валекъ повелъ меня по какому-то узкому сырому коридору, и, круто повернувъ вправо, мы вдругъ вошли въ просторное подземелье.

Я остановился у входа, пораженный невиданнымъ зрѣлищемъ. Двѣ струи свѣта рѣзко лились сверху, выдѣляясь полосами на темномъ фонѣ подземелья; свѣтъ этотъ проходилъ въ два окна, одно изъ которыхъ я видѣлъ въ полу склепа; другое, подальше, очевидно, было пристроено такимъ же образомъ: лучи солнца проникали сюда не прямо, а прежде отражались отъ стѣнъ старыхъ гробницъ; они разливались въ сыромъ воздухѣ подземелья, падали на каменные плиты пола, отражались и наполняли все подземелье тусклыми отблесками; стѣны тоже были сложены изъ камня; большія широкія колонны массивно вздымались снизу и, раскинувъ во всѣ стороны свои каменные дуги, крѣпко смыкались кверху сводчатымъ потолкомъ. На полу, въ освѣщенныхъ пространствахъ, сидѣли двѣ фигуры. Старый профессоръ, склонивъ голову и что-то бормоча про себя, ковырялъ иголкой въ своихъ лохмотьяхъ. Онъ не поднялъ даже головы, когда мы вошли въ подземелье, и если бы не легкія движенія руки, то эту сѣрую фигуру можно было бы принять за фантастическое каменное изваяніе.

Подъ другимъ окномъ сидѣла съ кучкой цвѣтовъ, перебирая ихъ по своему обыкновенію, Маруся. Струя свѣта падала на ея бѣлокурую головку, заливала ее всю, но, несмотря на это, она какъ-то слабо выдѣлялась на фонѣ сѣраго камня страннымъ и маленькимъ туманнымъ пятнышкомъ, которое,

казалось, вотъ-вотъ расплывется и исчезнетъ. Когда тамъ, вверху, надъ землей, пробѣгали тучи, затѣняя солнечный свѣтъ, стѣны подземелья тонули совсѣмъ во мракѣ, какъ будто раздвигались, уходили куда-то, а потомъ опять выдѣлялись жесткими и холодными камнями, крѣпко смыкаясь нерасторжимыми объятіями надъ крохотной фигуркой дѣвочки. Я поневолѣ вспомнилъ слова Валека о „сѣромъ камнѣ“, высасывавшемъ изъ Маруси ея веселье, и чувство суевѣрнаго страха закралось въ мое сердце; мнѣ казалось, что я ощущаю на ней и на себѣ какой-то невидимый, но ужасный каменный взглядъ, пристальный и жадный. Мнѣ казалось, что это подземелье чутко сторожитъ свою жертву.

— Валекъ!—тихо обрадовалась Маруся, увидѣвъ брата.

Когда же она замѣтила меня, въ ея глазахъ блеснула слабая искорка.

Я отдалъ ей принесенныя съ собой яблоки, а Валекъ, разломивъ булку, часть подаль ей, а другую снесъ профессору. Несчастный ученый равнодушно взялъ это приношеніе и началъ жевать, не отрываясь отъ своего занятія. Я переминался и ежился, чувствуя себя какъ будто связаннымъ подъ гнетущими „взглядами“ сѣраго камня.

— Уйдемъ... уйдемъ отсюда,—дернулъ я Валека.—Уведи ее...

— Пойдемъ, Маруся, наверхъ,—позвалъ Валекъ сестру.

И мы втроемъ поднялись изъ подземелья, но и здѣсь, наверху, меня не оставляло ощущеніе какой-то напряженной неловкости. Валекъ былъ грустнѣе и молчаливѣе обыкновеннаго.

— Ты въ городѣ остался затѣмъ, чтобы купить булокъ?—спросилъ я у него.

— Купить?—усмѣхнулся Валекъ.— Откуда же у меня деньги?

— Такъ какъ же?.. Ты выпросилъ?

— Да, выпросишь!.. Кто же мнѣ дастъ?.. Нѣтъ, братъ! Я стянулъ ихъ съ лотка еврейки Суры, на базарѣ. Она не замѣтила.

Онъ сказалъ это обыкновеннымъ тономъ, лежа враспяжку съ заложеными подъ голову руками. Я приподнялся на локтѣ и посмотрѣлъ на него.

— Ты, значить, укралъ?

— Ну, да!

Я опять откинулся на траву, и съ минуты мы пролежали молча.

— Воровать нехорошо,—проговорилъ я затѣмъ въ грустномъ раздумьи.

— Наши все ушли... Маруся плакала, потому что она была голодна...

— Да!... голодна!—съ жалобнымъ простодушіемъ повторила дѣвочка.

Я не зналъ еще, что такое голодъ, но при послѣднихъ словахъ дѣвочки у меня что-то повернулось въ груди, и я посмотрѣлъ на своихъ друзей, точно увидѣлъ ихъ впервые. Валекъ попрежнему лежалъ на травѣ и задумчиво слѣдилъ за парившимъ въ небѣ ястребомъ; теперь онъ не казался уже мнѣ такимъ авторитетнымъ, а при взглядѣ на Марусю, державшую обѣими руками кусокъ булки, у меня заныло сердце.

— Почему же,—проговорилъ я съ усилениемъ,—почему ты не сказалъ объ этомъ мнѣ?

— Я и хотѣлъ сказать, а потомъ раздумалъ; вѣдь у тебя своихъ денегъ нѣтъ.

— Ну, такъ что же? Я взялъ бы булокъ изъ дому.

— Какъ?.. потихоньку?..

— Д-да.

— Значить, и ты бы тоже укралъ...

— Я... у своего отца.

— Это еще хуже!—съ увѣренностью сказалъ Валекъ.— Я никогда не ворую у своего отца...

— Ну, такъ я попросилъ бы... мнѣ бы дали...

— Ну, можетъ-быть, и дали бы одинъ разъ... гдѣ же напастись на всѣхъ нищихъ?

— А вы развѣ... нищія?—спросилъ я упавшимъ голосомъ.

— Нищѣ!—угрюмо отрѣзалъ Валекъ.

— Я замолчалъ и черезъ нѣсколько минутъ сталъ прощаться.

— Ты уже уходишь?—спросилъ Валекъ.

— Да, ухожу.

Я уходилъ потому, что не могъ уже въ этотъ день играть съ моими друзьями попрежнему безмятежно. Чистая дѣтская привязанность моя какъ-то замутилась; хотя любовь моя къ Валеку и Марусѣ не стала слабѣе, но къ ней примѣшалась острая струя сожалѣнія, доходившая до жгучей сердечной боли. Дома я рано легъ въ свою постель, потому что не зналъ, куда уложить новое болѣзненное чувство, переполнявшее душу. Уткнувшись въ подушку, я горько плакалъ, пока благодѣтельный сонъ не заглушилъ своимъ вѣяніемъ моего глубокаго горя.

VII.

На сцену является панъ Тыбурцій.

— Здравствуй! А ужъ я думалъ, ты не придешь болѣе,—такъ встрѣтилъ меня Валекъ, когда я на слѣдующій день опять явился на гору.

Я понялъ, почему онъ сказалъ это.

— Нѣтъ, я... я всегда буду ходить къ вамъ,—отвѣтилъ я рѣшительно, чтобы разъ навсегда покончить съ этимъ вопросомъ.

Валекъ замѣтно повеселѣлъ при этомъ, и оба мы почувствовали себя свободнѣе.

— Ну, что? Гдѣ же ваши?—спросилъ я.—Все еще не вернулись?

— Нѣтъ еще. Чортъ ихъ знаетъ, гдѣ они пропадаютъ!

И мы весело принялись за сооруженіе хитроумной ловушки для воробьевъ, для которой я принесъ съ собой нитокъ. Нитку мы дали въ руки Марусѣ, и когда неосторожный во-

робей, привлеченный зерномъ, безопасно заскакивалъ въ западню, Маруся дергала нитку, и крышка захлопывала птичку, которую мы затѣмъ отпускали.

Между тѣмъ около полудня небо насупилось, надвинулась темная туча, и подъ веселые раскаты грома зашумѣлъ ливень. Сначала мнѣ очень не хотѣлось спускаться въ подземелье, но потомъ, подумавъ, что вѣдь Валекъ и Маруся живутъ тамъ постоянно, я побѣдилъ непріятное ощущеніе и пошелъ туда вмѣстѣ съ ними. Въ подземельи было темно и тихо, но сверху слышно было, какъ перекатывался гулкій грохотъ грозы, точно кто ѣздилъ тамъ въ громадной телѣгѣ по гигантски-сложенной мостовой. Черезъ нѣсколько минутъ я освоился съ подземельемъ, и мы весело прислушивались, какъ земля принимала широкіе потоки ливня; гулъ, всплески и частые раскаты настраивали наши нервы, вызывали оживленіе, требовавшее исхода.

— Давайте играть въ жмурки, — предложилъ я.

Мнѣ завязали глаза; Маруся звенѣла слабыми переливами своего жалкаго смѣха и шлепала по каменному полу непроворными ножонками, а я дѣлалъ видъ, что не могу поймать ее; какъ вдругъ я наткнулся на чью-то мокрую фигуру и въ ту же минуту почувствовалъ, что кто-то схватилъ меня за ногу. Сильная рука приподняла меня съ полу, и я повисъ въ воздухѣ внизъ головой. Повязка съ глазъ моихъ спала.

Тыбурцій, мокрый и сердитый, страшнѣе еще оттого, что я глядѣлъ на него снизу, держалъ меня за ногу и дико вращалъ зрачками.

— Это что еще? а? — строго спрашивалъ онъ, глядя на Валека. — Вы тутъ, я вижу, весело проводите время... Завели пріятную компанію.

— Пустите меня! — сказалъ я, удивляясь, что и въ такомъ необычномъ положеніи я все-таки могу говорить.

Но рука пана Тыбурція только еще сильнѣе сжала мою ногу.

— Responde! Отвѣтствуй! — грозно обратился онъ опять къ Валеку, который въ этомъ затруднительномъ случаѣ сто-

яль, запихавъ въ ротъ два пальца, какъ бы въ доказательство того, что ему отвѣчать рѣшительно нечего.

Я замѣтилъ только, что онъ сочувственнымъ окомъ и съ большимъ участіемъ слѣдилъ за моей несчастной фигурой, качавшейся подобно маятнику въ пространствѣ.

Панъ Тыбурцій приподнялъ меня и взглянулъ въ лицо.

— Эге-ге! Панъ судья, если меня не обманываютъ глаза... Зачѣмъ это изволили пожаловать?

— Пусти!—проговорилъ я упрямо. —Сейчасъ отпусти!

И при этомъ я сдѣлалъ инстинктивное движеніе, какъ бы собираясь топнуть ногою, но отъ этого моя фигура только забила въ воздухѣ.

Тыбурцій захохоталъ.

— Ого-го! Панъ судья изволить сердиться... Ну, да ты еще меня не знаешь. *Ego Тыбурцій sum*. Я вотъ повѣщу тебя надъ огонькомъ и зажарю какъ поросенка.

Я начиналъ думать, что дѣйствительно такова моя неизбежная участь, тѣмъ болѣе, что отчаянная фигура Валека какъ бы подтверждала мысль о возможности такого печальнаго исхода. Къ счастью, на выручку подоспѣла Маруся.

— Не бойся, Вася, не бойся, — ободрила она меня, подойдя къ самымъ ногамъ Тыбурція.—Онъ никогда не жарить мальчиковъ на огнѣ... Это неправда!

Тыбурцій быстрымъ движеніемъ повернулъ меня и поставилъ на ноги; при этомъ я чуть не упалъ, такъ какъ у меня закружилась голова, но онъ поддержалъ меня рукой и затѣмъ, сѣвъ на деревянный обрубокъ, поставилъ меня между колѣней.

— И какъ это ты сюда попалъ?—продолжалъ онъ допрашивать.—Давно ли?.. Говори ты!—обратился онъ къ Валеку, такъ какъ я ничего не отвѣтилъ.

— Давно,—отвѣтилъ тотъ.

— А какъ давно?

— Дней шесть.

Казалось, этотъ отвѣтъ доставилъ пану Тыбурцію нѣкоторое удовольствіе.

— Ого! шесть дней!—заговорилъ онъ, поворачивая меня

лицомъ къ себѣ. — Шестъ дней много времени. И ты до сихъ поръ никому еще не разболталъ, куда ходишь?

— Никому.

— Правда?

— Никому, — повторилъ я.

— Вепе!.. похвально!.. Можно разсчитывать, что не разболтаешь и впередъ. Впрочемъ, я и всегда считалъ тебя порядочнымъ малымъ, встрѣчая тебя на улицахъ. Настоящій „уличникъ“, хотя и судья... А насъ судить будешь? Скажи-ка!

Онъ говорилъ довольно добродушно, но я все-таки чувствовалъ себя глубоко оскорбленнымъ и потому отвѣтилъ довольно сердито:

— Я вовсе не судья. Я — Вася.

— Одно другому не мѣшаетъ, и Вася тоже можетъ быть судьей, не теперь, такъ послѣ... Это ужъ, братъ, такъ ведется изстари. Вотъ видишь ли, я Тыбурцій, а онъ Валекъ. Я нищій и онъ нищій. Я, если ужъ говорить откровенно, краду, и онъ будетъ красть. А твой отецъ меня судить... ну, и ты когда-нибудь будешь судить — вотъ его!

— Не буду судить Валека, — возразилъ я угрюмо. — Не правда!

— Онъ не будетъ, — вступилась и Маруся, съ полнымъ убѣжденіемъ отстраняя отъ меня столь ужасное подозрѣніе.

Дѣвочка довѣрчиво прижалась къ ногамъ этого уroda, а онъ ласково гладилъ жилистой рукой ея бѣлокурые волосы.

— Ну, этого ты впередъ не говори, — сказалъ странный человѣкъ задумчиво, обращаясь ко мнѣ, такимъ тономъ, точно онъ говорилъ со взрослымъ. — Не говори, *amice*... Эта исторія ведется изстари, всякому свое, *suum quique*; каждый идетъ своей дорожкой... и кто знаетъ, можетъ-быть, это и хорошо, что твоя дорога пролегла черезъ нашу. Для тебя хорошо, *amice*... потому что имѣть въ груди кусочекъ человѣческаго сердца вмѣсто холоднаго камня... понимаешь?..

Я не понималъ ничего, но все же впился глазами въ лицо страннаго человѣка; глаза пана Тыбурція пристально посмо-

трѣли въ мои, и въ нихъ смутно мерцало что-то, какъ будто проникавшее въ мою душу.

— Не понимаешь, конечно, потому ты еще малецъ... поэтому скажу тебѣ кратко, а ты когда-нибудь и вспомнишь слова философа Тыбурція: если когда-нибудь придется тебѣ судить вотъ его, то вспомни, что еще въ то время, когда вы оба были дураки и играли вмѣстѣ, — что уже тогда ты шель по дорогѣ, по которой ходятъ въ штанахъ и съ хорошимъ запасомъ провизіи, а онъ бѣжалъ по своей оборванцемъ-безштанникомъ и съ пустымъ брюхомъ... Впрочемъ, пока еще это случится, — заговорилъ онъ, рѣзко измѣнивъ тонъ, — запомни еще хорошенько вотъ что: если ты проболтаешься своему судѣ или хоть птицѣ, которая пролетитъ мимо тебя въ полѣ, о томъ, что ты здѣсь видѣлъ, то не будь я Тыбурцій Драбъ, если я тебя не повѣшу вотъ въ этомъ каминѣ за ноги и не сдѣлаю изъ тебя копченаго окорока. Это ты, надѣюсь, понялъ?

— Я не скажу никому... я... Можно мнѣ опять притти?

— Приходи, разрѣшаю... *Sub conditionem*... Впрочемъ, ты еще глупъ и латыни не понимаешь. Я уже сказалъ тебѣ насчетъ окорока. Помни!..

Онъ отпустилъ меня и самъ растянулся съ усталымъ видомъ на длинной лавкѣ, стоявшей около стѣнки.

— Возьми вонъ тамъ, — указалъ онъ Валеку на большую корзинку, которую, войдя, оставилъ у порога, — да разведи огонь. Мы будемъ сегодня варить обѣдъ.

Теперь это былъ уже не тотъ человѣкъ, что за минуту пугалъ меня, вращая зрачками, и не гаерь, потѣшавшій публику изъ-за подачекъ. Онъ распоряжался какъ хозяинъ и глава семейства, вернувшійся съ работы и отдающій приказанія домочадцамъ.

Онъ казался сильно уставшимъ. Платье его было мокро отъ дождя, лицо тоже; волосы слиплись на лбу; во всей фигурѣ виднѣлось тяжелое утомленіе. Я въ первый разъ видѣлъ это выраженіе на лицѣ веселаго оратора городскихъ кабаковъ, и опять этотъ взглядъ за кулисы, на актера, изнеможенно

отдыхавшаго послѣ тяжелой роли, которую онъ былъ вынужденъ разыгрывать на житейской сценѣ, какъ будто влилъ что-то жуткое въ мое сердце. Это было еще одно изъ тѣхъ откровеній, какими такъ щедро надѣляла меня старая униатская „каплица“.

Мы съ Валекомъ живо принялись за работу. Валекъ зажегъ лучину, и мы отправились съ нимъ въ темный коридоръ, примыкавшій къ подземелью. Тамъ, въ углу, были свалены куски полуистлѣвшаго дерева, обломки крестовъ, старыя доски; изъ этого запаса мы взяли нѣсколько кусковъ и, поставивъ ихъ въ каминъ, развели огонекъ. Затѣмъ мнѣ пришлось отступить, и Валекъ одинъ умѣлыми руками принялся застряпню. Черезъ полчаса на каминѣ закипало уже въ горшкѣ какое-то варево, а въ ожиданіи, пока оно поспѣетъ, Валекъ поставилъ на трехногій, кое-какъ сколоченный столикъ сковороду, на которой дымились куски жаренаго мяса.

Тыбурцій поднялся.

— Готово? — сказалъ онъ. — Ну, и отлично. Садись, малый, съ нами, ты заработалъ свой обѣдъ... *Domine!* — крикнулъ онъ затѣмъ, обращаясь къ профессору, — брось иголку, садись къ столу.

— Сейчасъ, — сказалъ тихимъ голосомъ профессоръ, удививъ меня этимъ сознательнымъ отвѣтомъ.

Впрочемъ, искра сознанія, вызванная голосомъ Тыбурція, не проявлялась ничѣмъ больше. Старикъ воткнулъ иголку въ лохмотья и равнодушно, съ тусклымъ взглядомъ, усѣлся на одномъ изъ деревянныхъ обрубковъ, замѣнявшихъ въ подземельи стулья.

Марусю Тыбурцій держалъ на рукахъ. Она и Валекъ ѣли съ жадностью, которая ясно показывала, что мясное блюдо было для нихъ невиданной роскошью; Маруся облизывала даже свои засаленные пальцы. Тыбурцій ѣлъ съ разстановкой и, повинуваясь, повидимому, неодолимой потребности говорить, то и дѣло обращался къ профессору съ своей бесѣдой. Бѣдный ученый проявлялъ при этомъ удивительное вниманіе и,

наклонивъ голову, выслушивалъ все съ такимъ разумнымъ видомъ, какъ будто онъ понималъ каждое слово. Иногда даже онъ выражалъ свое согласіе кивками головы и тихимъ мычаніемъ.

— Вотъ, *domine*, какъ немного нужно человѣку,—говорилъ Тыбурцій.— Не правда ли? Вотъ мы сыты, и теперь намъ остается только поблагодарить Бога и клеванскаго капеллана...

— Ага, ага!—поддакнулъ профессоръ.

— Ты это, *domine*, поддакиваешь, а самъ не понимаешь, при чемъ тутъ клеванскій капелланъ... я вѣдь тебя знаю... А между тѣмъ не будь клеванскаго капеллана, у насъ не было бы жаркого и еще кое-чего...

— Это онъ вамъ далъ?—спросилъ я.

— У этого малаго, *domine*, любознательный умъ,—продолжалъ Тыбурцій, попрежнему обращаясь къ профессору.— Дѣйствительно, его священство далъ намъ все это, хотя мы у него и не просили, и даже, быть-можетъ, не только его лѣвая рука не знала, чтò даетъ правая, но и обѣ руки не имѣли объ этомъ ни малѣйшаго понятія... Кушай, *domine*, кушай...

Изъ этой странной и запутанной рѣчи я понялъ только, что способъ пріобрѣтенія былъ не совсѣмъ обыкновенный, и не удержался, чтобы еще разъ не вставить вопроса:

— Вы это взяли... сами?

— Малый не лишень проницательности,—продолжалъ опять Тыбурцій попрежнему.— Жаль только, что онъ не видѣлъ капеллана; у капеллана брюхо какъ настоящая сороковая бочка, и, стало-быть, объяденіе ему очень вредно. Между тѣмъ мы всѣ, здѣсь находящіеся, страдаемъ скорѣе излишнею худобой, а потому нѣкоторое количество провизіи не можемъ считать для себя лишнимъ... Такъ ли я говорю, *domine*?

— Ага, ага!—задумчиво промычалъ опять профессоръ.

— Ну, вотъ! На этотъ разъ вы выразили свое мнѣніе очень удачно, а то я начиналъ уже думать, что у этого ма-

лаго умъ бойчѣе, чѣмъ у нѣкоторыхъ ученыхъ... Возвращаясь, однако, къ капеллану, я думаю, что добрый урокъ стоитъ платы, и, въ такомъ случаѣ, мы можемъ сказать, что купили у него провизію... если онъ послѣ этого сдѣлаетъ въ амбарѣ двери покрѣпче, то вотъ мы и квиты... Впрочемъ, — повернулся онъ вдругъ ко мнѣ, — ты все-таки еще глупъ и многого не понимаешь. А вотъ она понимаетъ: скажи, моя Маруся, хорошо ли я сдѣлалъ, что принесъ тебѣ жаркое?

— Хорошо! — отвѣтила дѣвочка, слегка сверкнувъ бирюзовыми глазками. — Маня была голодна.

Подъ вечеръ этого дня я съ отуманенной головой задумчиво возвращался къ себѣ. Странныя рѣчи Тыбурція ни на одну минуту не поколебали во мнѣ убѣжденія, что „воровать нехорошо“. Напротивъ, болѣзненное ощущеніе, которое я испытывалъ раньше, еще усилилось. Нищія... воры... у нихъ нѣтъ дома!.. Отъ окружающихъ я давно уже зналъ, что со всѣмъ этимъ соединяется презрѣніе. Я даже чувствовалъ, какъ изъ глубины души во мнѣ подымается вся горечь презрѣнія, но я инстинктивно защищалъ мою привязанность отъ этой горькой примѣси, не давая имъ слиться. Въ результатѣ смутнаго душевнаго процесса сожалѣніе къ Валеку и Марусѣ усилилось и обострилось, но привязанность не исчезла. Формула „нехорошо воровать“ осталась неприкосновенной, но когда воображеніе рисовало мнѣ оживленное личико моей пріятельницы, облизывавшей свои засаленные пальцы, я радовался ея радостью и радостью Валека.

Въ темной аллеякѣ сада я нечаянно наткнулся на отца. Онъ, по обыкновенію, угрюмо ходилъ назадъ и впередъ съ обычнымъ страннымъ, какъ будто отуманеннымъ взглядомъ. Когда я очутился подлѣ него, онъ взялъ меня за плечо.

— Откуда это?

— Я... гулялъ...

Онъ внимательно посмотрѣлъ на меня, хотѣлъ что-то сказать, но потомъ взглядъ его опять затуманился, и, махнувъ рукой, онъ зашагалъ по аллеѣ. Мнѣ кажется, что я и тогда понималъ смыслъ этого жеста: „А, все равно!.. Ея уже нѣтъ!..“

Я солгалъ чуть ли не въ первый разъ въ жизни.

Я всегда боялся отца, а теперь тѣмъ болѣе. Теперь я носилъ въ себѣ цѣлый міръ смутныхъ вопросовъ и ощущеній. Могъ ли онъ понять меня? Могъ ли я въ чемъ-либо признаться ему, не измѣняя своимъ друзьямъ? Я дрожалъ при мысли, что онъ узнаетъ когда-либо о моемъ знакомствѣ съ „дурнымъ обществомъ“, но измѣнить этому обществу, измѣнить Валеку и Марусѣ я былъ не въ состояніи. Къ тому же здѣсь было тоже нѣчто въ родѣ „принципа“: если бы я измѣнилъ имъ, нарушивъ данное слово, то, безъ сомнѣнія, не могъ бы при встрѣчѣ поднять на нихъ глазъ отъ стыда.

VIII.

О с е н ь ю.

Близилась осень. Въ полѣ шла жатва, листья на деревьяхъ начали желтѣть. вмѣстѣ съ тѣмъ наша Маруся начала что-то прихварывать.

Она ни на что не жаловалась, только все худѣла; лицо ея все больше и больше блѣднѣло, глаза потемнѣли, стали больше, вѣки приподымались съ трудомъ.

Теперь я могъ приходить на гору, не стѣсняясь тѣмъ, что члены дурного общества бывали дома. Я совершенно свыкъ съ ними и сталъ на горѣ своимъ человѣкомъ.

— Ты славный хлопецъ и когда-нибудь тоже будешь генераломъ! — говаривалъ Туркевичъ.

Темныя молодыя личности дѣлали мнѣ изъ вяза луки и самострѣлы; высокій штыкъ-юнкеръ съ краснымъ носомъ вертѣлъ меня на воздухѣ какъ щепку, приучая къ гимнастикѣ. Только профессоръ да Лавровскій какъ будто совершенно не замѣчали моего присутствія. Профессоръ, по-всегдашнему, былъ погруженъ въ какія-то глубокія соображенія, а Лавровскій въ трезвомъ состояніи вообще избѣгалъ людского общества и жался по угламъ.

Всѣ эти люди помѣшались отдѣльно отъ Тыбурція, который занималъ „съ семействомъ“ описанное выше подземелье. Остальные члены дурного общества жили въ такомъ же подземельи, побольше, которое отдѣлялось отъ перваго двумя узкими коридорами. Свѣту здѣсь было меньше, больше сырости и мрака. Вдоль стѣнъ кое-гдѣ стояли деревянные лавки и обрубки, замѣнявшіе стулья. Скамейки были завалены какими-то лохмотьями, замѣнявшими постели. Въ серединѣ, въ освѣщенномъ мѣстѣ, стоялъ верстакъ, на которомъ по временамъ панъ Тыбурцій или кто-либо изъ темныхъ личностей работали столярныя подѣлки; былъ среди дурного общества и сапожникъ и корзинщикъ; но, кромѣ Тыбурція, всѣ остальные ремесленники были или дилетанты, или же какіе-нибудь заморыши, или люди, у которыхъ, какъ я замѣчалъ, слишкомъ сильно тряслись руки, чтобы работа могла итти успѣшно. Полъ этого подземелья былъ закиданъ стружками и всякими обрѣзками; всюду виднѣлись грязь и беспорядокъ, хотя по временамъ Тыбурцій за это сильно ругался и заставлялъ кого-либо изъ жильцовъ подмести и хоть сколько-нибудь убрать это мрачное жилье. Я не часто заходилъ сюда, такъ какъ не могъ привыкнуть къ затхлому воздуху, и, кромѣ того, въ трезвыя минуты здѣсь имѣлъ пребываніе мрачный Лавровскій. Онъ обыкновенно или сидѣлъ на лавочкѣ, спрятавъ лицо въ ладони и раскидавъ свои длинные волосы, или ходилъ изъ угла въ уголъ быстрыми шагами. Отъ этой фигуры вѣяло чѣмъ-то тяжелымъ и мрачнымъ, чего не выносили мои нервы. Но остальные сожителѣ бѣдняги давно уже свыклись съ его странностями. Генераль Туркевичъ заставлялъ его иногда переписывать набѣло сочиняемыя самимъ Туркевичемъ прошенія и кляузы для обывателей или же шуточные пасквили, которые потомъ развѣшивалъ на фонарныхъ столбахъ. Лавровскій покорно садился за столикъ въ комнатѣ Тыбурція и по цѣлымъ часамъ выводилъ прекраснымъ почеркомъ ровныя строчки. Раза два мнѣ довелось видѣть, какъ его безчувственно-пьянаго тащили сверху въ подземелье. Голова несчастнаго, свѣсившись, болталась изъ стороны въ

сторону, ноги бессильно тащились и стучали по каменным ступенькамъ, на лицѣ виднѣлось выраженіе страданія, по щекамъ текли слезы. Мы съ Марусей, крѣпко прижавшись другъ къ другу, смотрѣли на эту сцену изъ дальняго угла; но Валекъ совершенно свободно шнырялъ между большими, поддерживая то руку, то ногу, то голову безпомощнаго Лавровскаго.

Все, что меня забавляло и интересовало въ этихъ людяхъ, какъ балаганное представленіе на улицахъ, здѣсь, за кулисами, являлось въ своемъ настоящемъ, неприкрашенномъ видѣ и тяжело угнетало дѣтское сердце.

Тыбурцій пользовался здѣсь непререкаемымъ авторитетомъ. Онъ открылъ эти подземелья; онъ здѣсь распоряжался, и все его приказанія исполнялись. Вѣроятно, поэтому именно я не припомню ни одного случая, когда бы кто-либо изъ этихъ людей, несомнѣнно потерявшихъ человѣческой обликъ, обратился бы ко мнѣ съ какимъ-нибудь дурнымъ предложеніемъ. Теперь, умудренный прозаическимъ опытомъ жизни, я знаю, конечно, что тамъ былъ мелкій развратъ, грошевые пороки и гниль. Но когда эти люди и эти картины встаютъ въ моей памяти, затянутые дымкою прошедшаго, я вижу только черты тяжелаго трагизма, глубокаго горя и бѣдствій.

Дѣтство, юность! Это великіе источники идеализма!

Осень все больше вступала въ свои права. Небо все чаще заволакивалось тучками; окрестности тонули въ туманномъ сумракѣ; потоки дождя шумно лились на землю, отдаваясь однообразнымъ и грустнымъ гуломъ въ подземельяхъ.

Мнѣ стоило много труда урываться изъ дому въ такую погоду; впрочемъ, я только старался уйти незамѣченнымъ; когда же возвращался домой весь вымокшій, то самъ развѣшивалъ платье противъ камина и смиренно ложился въ постель, философски отмалчиваясь подъ цѣлымъ градомъ упрековъ, которые лились изъ устъ нянекъ и служанокъ.

Каждый разъ, придя къ своимъ друзьямъ, я замѣчалъ, что Маруся все больше хирѣетъ. Теперь она совсѣмъ уже не выходила на воздухъ, и сѣрый камень, — темное, молчаливое

чудовище подземелья, — продолжалъ безъ перерывовъ свою ужасную работу, высасывая жизнь изъ маленькаго тѣльца. Дѣвочка теперь большую часть временени проводила въ постели, и мы съ Валекомъ истощали всѣ усилія, чтобы развлечь ее и позабавить, чтобы вызвать тихіе переливы ея слабаго смѣха.

Теперь, когда я окончательно сжился съ дурнымъ обществомъ, грустная улыбка Маруси стала мнѣ почти такъ же дорога, какъ улыбка сестры; но тутъ никто не ставилъ мнѣ вѣчно на видъ мою испорченность, тутъ не было ворчливой няньки, тутъ я былъ нуженъ; я чувствовалъ, что каждый разъ мое появленіе вызываетъ румянецъ оживленія на щекахъ дѣвочки. Валекъ обнималъ меня какъ брата, и даже Тыбурцій по временамъ смотрѣлъ на насъ троихъ какими-то странными глазами, въ которыхъ что-то мерцало, точно слеза.

На время небо опять прояснилось; съ него сбѣжали послѣднія тучи, и надъ просыхающей землей, въ послѣдній разъ передъ наступленіемъ зимы, засіяли солнечные дни. Мы каждый день выносили Марусю наверхъ, и здѣсь она какъ будто оживала; дѣвочка смотрѣла вокругъ широко раскрытыми глазами, на щекахъ ея загорался румянецъ; казалось, что вѣтеръ, обдававшій ее своими свѣжими, живительными взмахами, возвращалъ ей частицы жизни, похищенные сѣрыми камнями подземелья. Но это продолжалось такъ недолго...

Между тѣмъ надъ моей головой тоже стали собираться тучи.

Однажды, когда я, по обыкновенію, утромъ проходилъ по аллеямъ сада, я увидѣлъ въ одной въ нихъ отца, а рядомъ стараго Януша изъ замка. Старикъ подобострастно кланялся и что-то говорилъ, а отецъ стоялъ съ угрюмымъ видомъ и на лбу его рѣзко обозначалась складка нетерпѣливаго гнѣва. Наконецъ онъ протянулъ руку, какъ бы отстраняя Януша съ своей дороги, и сказалъ:

— Уходите! Вы просто старый сплетникъ!

Старикъ какъ-то заморгалъ и, держа шапку въ рукахъ, опять забѣжалъ впередъ и загородилъ отцу дорогу. Глаза

отца сверкнули гнѣвомъ. Янушъ говорилъ тихо и словъ его мнѣ не было слышно, зато отрывистыя фразы отца доносились совершенно явственно, падая точно удары хлыста:

— Не вѣрю ни одному слову... Что вамъ надо отъ этихъ людей? Гдѣ же доказательства?.. Словесныхъ доносовъ я не слушаю, а письменный вы обязаны доказать... Молчать! Это уже мое дѣло!.. Не желаю и слушать!

Наконецъ онъ такъ рѣшительно отстранилъ Януша, что тотъ не посмѣлъ болѣе надоѣдать ему; отецъ повернулъ въ боковую аллею, а я побѣжалъ къ калиткѣ.

Я сильно не долюбивалъ стараго филина изъ замка, и теперь сердце мое дрогнуло предчувствіемъ. Я понялъ, что подслушанный мною разговоръ относился къ моимъ друзьямъ и, быть-можетъ, также ко мнѣ.

Тыбурцій, которому я рассказалъ объ этомъ случаѣ, скорчилъ ужасную гримасу:

— У-у-уфъ, малый!.. Какая это непріятная новость!.. О, проклятая старая лисица!

— Отецъ его прогналъ,—замѣтилъ я въ видѣ утѣшенія.

— Твой отецъ, малый, самый лучший изъ всѣхъ судей, начиная съ Соломона... Однако, знаешь ли ты, что такое *curriculum vitae*? Не знаешь, конечно. Ну, а формулярный списокъ знаешь? Ну, вотъ видишь ли: *curriculum vitae* это есть формулярный списокъ человѣка, не служившаго въ уѣздномъ судѣ, и если только старый сычъ кое-что пронюхалъ и сможетъ доставить твоему отцу мой списокъ, то... ахъ, клянусь Богородицей, не желалъ бы я попасть къ судѣ въ лапы...

— Развѣ онъ злой?—спросилъ я, вспомнивъ отзывы Валека.

— Нѣтъ, нѣтъ, малый! Храни тебя Богъ подумать это объ отцѣ. У твоего отца есть сердце; быть-можетъ, онъ уже и теперь знаетъ все, что можетъ сказать ему Янушъ, но онъ молчить... онъ не считаетъ нужнымъ травить стараго беззубаго звѣря въ его послѣдней берлогѣ... Но, малый, какъ бы тебѣ объяснить это?.. Твой отецъ служитъ господину, кото-

раго имя — законъ. У него есть глаза и сердце только до тѣхъ поръ, пока законъ спитъ себѣ на полкахъ; когда же этотъ господинъ сойдетъ оттуда и скажетъ твоему отцу: „а ну-ка, судья, не взятся ли намъ за Тыбурція Драба или какъ тамъ его зовуть?“ съ этого момента судья тотчасъ запираетъ свое сердце на ключъ, и тогда у судьи такія твердыя лапы, что скорѣе міръ повернется въ другую сторону, чѣмъ панъ Тыбурцій вывернется изъ его рукъ... Понимаешь ты, малый?.. И за это я и всѣ еще больше уважаемъ твоего отца, потому что онъ вѣрный слуга своего господина, а такіе люди рѣдки. Будь у закона все такіе слуги, онъ могъ бы спать себѣ спокойно на своихъ полкахъ и никогда не просыпаться... Вся бѣда моя въ томъ, что у меня съ закономъ вышла когда-то, давно уже, ссора... ахъ, малый, очень крупная ссора!

Съ этими словами Тыбурцій всталъ, взялъ на руки Марусю и, отойдя съ нею въ дальній уголъ, сталъ цѣловать ее, прижимаясь своей безобразной головой къ ея маленькой груди. А я остался на мѣстѣ и долго стоялъ въ одномъ положеніи, подъ впечатлѣніемъ странныхъ рѣчей страннаго человѣка. Несмотря на причудливые и непонятные обороты, я отлично схватилъ сущность того, что говорилъ объ отцѣ Тыбурцій, и фигура отца въ моемъ представленіи еще выросла, облеклась ореоломъ грозной, но симпатичной силы и даже какого-то величія. Но, вмѣстѣ съ этимъ чувствомъ, усиливалось и другое, горькое чувство... „Вотъ онъ какой, — думалось мнѣ, — но все же онъ меня не любитъ“.

IX.

К у к л а.

Ясные дни миновали и Марусѣ опять стало хуже. На всѣ наши ухищренія, съ цѣлью занять ее, она смотрѣла равнодушно своими большими потемнѣвшими и неподвижными глазами, и мы давно уже не слышали ея смѣха. Я сталъ носить

въ подземелье свои игрушки, но и онѣ развлекали дѣвочку только на короткое время. Тогда я рѣшился обратиться къ своей сестрѣ Сонѣ.

У Сони была большая кукла съ ярко раскрашеннымъ лицомъ и роскошными льняными волосами, — подарокъ покойной матери. На эту куклу я возлагалъ большія надежды, и потому, отозвавъ сестру въ боковую аллею сада, попросилъ дать мнѣ ее на время. Я такъ убѣдительно просилъ ее объ этомъ, такъ живо описалъ ей бѣдную больную дѣвочку, у которой никогда не было своихъ игрушекъ, что Соня, которая сначала только прижимала куклу къ себѣ, отдала мнѣ ее и общалась въ теченіе двухъ-трехъ дней играть другими игрушками, ничего не упоминая о куклѣ.

Дѣйствіе этой нарядной фаянсовой барышни на нашу больную превзошло всѣ мои ожиданія. Маруся, которая увядала какъ цвѣтокъ осенью, казалось, вдругъ опять ожила. Она такъ крѣпко меня обнимала, такъ звонко смѣялась, разговаривая съ своей новой знакомой... Маленькая кукла сдѣлала почти чудо: Маруся, давно уже не сходившая съ постели, стала ходить, водя за собой свою бѣлокурую дочку, и по временамъ бѣгала даже, попрежнему шлепая по полу слабыми ногами.

Зато мнѣ эта кукла доставила очень много тревожныхъ минутъ. Прежде всего, когда я несъ ее за пазухой, направляясь съ нею на гору, въ дорогѣ мнѣ попался старый Янушъ, который долго провожалъ меня глазами и качалъ головой. Потомъ, дня черезъ два, старушка-няня замѣтила пропажу и стала соваться по угламъ, вездѣ разыскивая куклу. Соня старалась унять ее, но своими наивными увѣреніями, что ей кукла не нужна, что кукла ушла гулять и скоро вернется, только вызывала недоумѣніе служанокъ и возбуждала подозрѣніе, что тутъ не простая пропажа. Отецъ ничего еще не зналъ, но къ нему опять приходилъ Янушъ и былъ прогнанъ на этотъ разъ съ еще бѣльшимъ гнѣвомъ; однако, въ тотъ же день отецъ остановилъ меня на пути къ садовой калиткѣ и велѣлъ остаться дома. На слѣдующій день повторилось то же, и только черезъ

четыре дня я всталъ рано утромъ и махнулъ черезъ заборъ, пока отецъ еще спалъ.

На горѣ дѣла опять были плохи. Маруся опять слегла и ей стало еще хуже: лицо ея горѣло страннымъ румянцемъ, бѣлокурые волосы раскидались по подушкѣ; она никого не узнавала. Рядомъ съ ней лежала злополучная кукла, съ розовыми щеками и глупыми блестящими глазами.

Я сообщилъ Валеку свои опасенія, и мы рѣшили, что куклу необходимо унести обратно, тѣмъ болѣе что Маруся этого и не замѣтитъ. Но мы ошиблись: какъ только я вынулъ куклу изъ рукъ лежавшей въ забытьи дѣвочки, она открыла глаза, посмотрѣла передъ собой смутнымъ взглядомъ, какъ будто не видя меня, не сознавая, что съ ней происходитъ, и вдругъ заплакала тихо-тихо, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ жалобно, и въ исхудаломъ лицѣ, подъ покровомъ бреда, мелькнуло выраженіе такого глубокаго горя, что я тотчасъ же съ испугомъ положилъ куклу на прежнее мѣсто. Дѣвочка улыбнулась, прижала куклу къ себѣ и успокоилась. Я понялъ, что хотѣлъ лишитъ моего маленькаго друга первой и послѣдней радости ея недолгой жизни.

Валекъ робко посмотрѣлъ на меня.

— Какъ же теперь будетъ?—спросилъ онъ грустно.

Тыбурцій, сидя на лавочкѣ съ печально понуренной головой, также смотрѣлъ на меня вопросительнымъ взглядомъ. Поэтому я постарался придать себѣ видъ, по возможности, безпечный и сказалъ:

— Ничего! Нянька, навѣрное, уже забыла.

Но старуха не забыла. Когда я на этотъ разъ возвращался домой, у калитки мнѣ опять попался Янушъ; Соню я засталъ съ заплаканными глазами, а нянька кинула на меня сердитый, подавляющій взглядъ и что-то ворчала беззубымъ шамкавшимъ ртомъ.

Отецъ спросилъ у меня, куда я ходилъ, и, выслушавъ внимательно обычный отвѣтъ, ограничился тѣмъ, что повторилъ мнѣ приказъ ни подъ какимъ видомъ не отлучаться изъ дому безъ его позволенія. Приказъ былъ категориченъ и очень

рѣшителенъ; послушаться его я не посмѣлъ, но не рѣшался также и обратиться къ отцу за позволеніемъ.

Прошло четыре томительныхъ дня. Я грустно ходилъ по саду и съ тоской смотрѣлъ по направленію къ горѣ, ожидая, кромѣ того, грозы, которая собиралась надъ моей головой. Что будетъ — я не зналъ, но на сердцѣ у меня было тяжело. Меня въ жизнь никто еще не наказывалъ; отецъ не только не трогалъ меня пальцемъ, но я отъ него не слышалъ никогда ни одного рѣзкаго слова. Теперь меня томило тяжелое предчувствіе.

Наконецъ меня позвали къ отцу, въ его кабинетъ. Я вошелъ и робко остановился у притолки. Въ окно заглядывало грустное осеннее солнце. Отецъ нѣкоторое время сидѣлъ въ своемъ креслѣ передъ портретомъ матери и не поворачивался ко мнѣ. Я слышалъ тревожный стукъ собственнаго сердца.

Наконецъ онъ повернулся. Я поднялъ на него глаза и тотчасъ же ихъ опустилъ въ землю: лицо отца показалось мнѣ страшнымъ. Прошло около полуминуты, и въ теченіе этого времени я чувствовалъ на себѣ тяжелый и неподвижный, подавляющій взглядъ.

— Ты взялъ у сестры куклу?

Эти слова упали вдругъ на меня такъ отчетливо и рѣзко, что я вздрогнулъ.

— Да, — отвѣтилъ я тихо.

— А знаешь ты, что это — подарокъ матери, которымъ ты долженъ бы дорожить какъ святыней?.. Ты укралъ ее?..

— Нѣтъ, — сказалъ я, подымая голову.

— Какъ нѣтъ? — вскрикнулъ вдругъ отецъ, отталкивая кресло. — Ты укралъ ее и снесъ... Кому ты снесъ ее?.. Говори!

Онъ быстро подошелъ ко мнѣ и положилъ мнѣ на плечо тяжелую руку. Я съ усиліемъ поднялъ голову и взглянулъ вверхъ. Лицо отца было блѣдно. Складка боли, которая со смерти матери залегла у него между бровями, не разгладилась и теперь, но глаза горѣли мрачнымъ гнѣвомъ. Я весь

съежился. Изъ этихъ глазъ, глазъ отца, глянуло на меня, какъ мнѣ показалось, безуміе или ненависть.

— Ну, что жъ ты?.. Говори!

И рука, державшая мое плечо, сжала его сильнѣе.

— Н-не скажу,—отвѣтилъ я тихо.

— Нѣтъ!.. скажешь!—отчеканилъ отецъ, и въ голосѣ его зазвучала угроза.

— Не скажу,—прошепталъ я еще тише.

— Скажешь, скажешь!..

Онъ повторялъ это слово сдавленнымъ голосомъ, точно оно вырвалось у него съ болью и усиленіемъ. Я чувствовалъ, какъ дрожала его рука, и, казалось, слышалъ даже хлоко-тавшее въ груди его бѣшенство. И я все ниже опу-скалъ голову, и слезы одна за другой капали изъ моихъ глазъ на полъ; но я все повторялъ едва слышно:

— Нѣтъ... не скажу... никогда, никогда не скажу...

Въ эту минуту во мнѣ сказался сынъ моего отца. Онъ не добился бы отъ меня иного отвѣта самыми страшными муками. Въ моей груди на встрѣчу его угрозамъ подымалось едва сознанное оскорбленное чувство покинутаго ребенка и какая-то жгучая любовь къ тѣмъ, чьей выдачи онъ у меня требовалъ.

Отецъ тяжело перевелъ духъ. Я съежился еще болѣе, горькія слезы жгли мои щеки. Я ждалъ.

Изобразить чувство, которое я испытывалъ въ то время, очень трудно. Я зналъ, что въ его груди кипитъ бѣшенство, что, быть-можетъ, черезъ секунду мое тѣло забьется беспо-мощно въ его сильныхъ и изступленныхъ рукахъ. Что онъ со мной сдѣлаетъ?.. швырнетъ... изломаетъ... но мнѣ теперь кажется, что я боялся не этого... Даже въ эту страшную минуту я любилъ этого человѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ ин-стинктивно чувствовалъ, что вотъ сейчасъ онъ бѣшенымъ насиліемъ разобьетъ мою любовь вдребезги, что затѣмъ, пока я буду жить въ его рукахъ и послѣ, навсегда, навсегда въ моемъ сердцѣ вспыхнетъ та же пламенная ненависть, которая мельк-нула для меня въ его мрачныхъ глазахъ.

Теперь я совсѣмъ пересталъ бояться; въ моей груди защекотало что-то въ родѣ задорнаго, дерзкаго вызова... Кажется, я ждалъ и желалъ, чтобы катастрофа, наконецъ, разразилась. Если такъ... пусть... тѣмъ лучше,—да, тѣмъ лучше... тѣмъ лучше...

Отецъ опять тяжело вздохнулъ. Я уже не смотрѣлъ на него, только слышалъ этотъ вздохъ, тяжелый, прерывистый, долгій... Справился ли онъ самъ съ овладѣвшимъ имъ изступленіемъ, или это чувство не получило исхода благодаря послѣдующему неожиданному обстоятельству,—я и до сихъ поръ не знаю. Знаю только, что въ эту критическую минуту раздался вдругъ за открытымъ окномъ рѣзкій голосъ Тыбурція.

— Эге-ге!.. Мой бѣдный маленькій другъ...

„Тыбурцій пришелъ!“ промелькнуло у меня въ головѣ, но этотъ приходъ не произвелъ на меня никакого впечатлѣнія. Я весь превратился въ ожиданіе, и даже, чувствуя, какъ дрогнула рука отца, лежавшая на моемъ плечѣ, я не представлялъ себѣ, чтобы появленіе Тыбурція или какое бы то ни было другое внѣшнее обстоятельство могло стать между мною и отцомъ, могло отклонить то, что я считалъ неизбежнымъ и чего ждалъ съ приливомъ задорнаго и отвѣтнаго гнѣва.

Между тѣмъ Тыбурцій быстро отперъ входную дверь и, остановившись на порогѣ, въ одну секунду оглядѣлъ насъ обоихъ своими острыми рысьими глазами. Я до сихъ поръ помню малѣйшую черту этой сцены. На мгновеніе въ зеленоватыхъ глазахъ, въ широкомъ некрасивомъ лицѣ уличнаго оратора мелькнула холодная и злорадная насмѣшка, но это было только на мгновеніе. Затѣмъ онъ покачалъ головой, и въ его голосѣ зазвучала скорѣе грусть, чѣмъ обычная иронія.

— Эге-ге! Я вижу моего молодого друга въ затруднительномъ положеніи...

Отецъ встрѣтилъ его мрачнымъ, угрожающимъ взглядомъ, но Тыбурцій выдержалъ этотъ взглядъ спокойно. Теперь онъ

былъ серьезень, не кривлялся, и глаза его глядѣли какъ-то особенно грустно.

— Панъ судья! — заговорилъ онъ мягко, — вы человекъ справедливый... отпустите ребенка. Малый былъ въ дурномъ обществѣ, но, видитъ Богъ, онъ не сдѣлалъ дурного дѣла, и если его сердце лежитъ къ моимъ оборваннымъ бѣднягамъ, то, клянусь Богородицей, лучше велите меня повѣсить, но я не допущу, чтобы мальчикъ пострадалъ изъ-за этого. Вотъ твоя кукла, малый!..

Онъ развязалъ узелокъ и вынулъ оттуда куклу.

Рука отца, державшая мое плечо, разжалась. Въ лицѣ виднѣлось изумленіе.

— Что это значитъ? — спросилъ онъ, наконецъ.

— Отпустите мальчика, — повторилъ Тыбурцій, и его широкая ладонь любовно погладила мою опущенную голову. — Вы ничего не добьетесь отъ него угрозами, а между тѣмъ я охотно расскажу вамъ все, что вы желаете знать... Выйдемъ, панъ судья, въ другую комнату.

Отецъ, все время смотрѣвшій на Тыбурція удивленными глазами, повиновался. Оба они вышли, а я остался на мѣстѣ, подавленный ощущеніями, переполнившими мое сердце. Въ ту минуту я ни въ чемъ не отдавалъ себѣ отчета, и если теперь я помню всѣ детали этой сцены, если я помню даже, какъ за окномъ возились воробьи, а съ рѣчки доносился мѣрный плескъ весель, — то это просто механическое дѣйствіе памяти. Ничего этого тогда для меня не существовало; былъ только маленькій мальчикъ, въ сердцѣ котораго встряхнули два разнородныя чувства: гнѣвъ и любовь, — такъ сильно, что это сердце замутилось, какъ мутятся отъ толчка въ стаканѣ двѣ отстоявшіяся разнородныя жидкости. Былъ такой мальчикъ, и этотъ мальчикъ былъ я, и мнѣ самому себя было какъ будто жалко. Да еще были два голоса, смутнымъ, хотя и оживленнымъ говоромъ звучавшіе за дверью...

Я все еще стоялъ на томъ же мѣстѣ, когда дверь изъ кабинета отворилась и оба собесѣдника вошли. Я опять по-

чувствовалъ на своей головѣ чью-то руку и вздрогнулъ: то была рука отца, нѣжно гладившаго мои волосы.

Тыбурцій взялъ меня на руки и посадилъ въ присутствіи отца къ себѣ на колѣни.

— Приходи къ намъ, — сказалъ онъ, — отецъ тебя отпуститъ попрощаться съ моей дѣвочкой. Она... она умерла.

Голосъ Тыбурція дрогнулъ; онъ странно заморгалъ глазами, но тотчасъ всталъ, поставилъ меня на полъ, выпрямился и быстро ушелъ изъ комнаты.

Я вопросительно поднялъ глаза на отца. Теперь передо мной стоялъ другой человекъ, но въ этомъ именно человекѣ я нашелъ что-то родное, чего тщетно искалъ въ немъ прежде. Онъ смотрѣлъ на меня обычнымъ своимъ задумчивымъ взглядомъ, но теперь въ этомъ взглядѣ виднѣлся оттѣнокъ удивленія и какъ будто вопросъ. Казалось, буря, которая только-что пронеслась надъ нами обоими, разсѣяла тяжелый туманъ, нависшій надъ душой отца, застилавшій его добрый и любящій взглядъ, и отецъ только теперь сталъ узнавать во мнѣ знакомыя черты своего родного сына.

Я довѣрчиво взялъ его руку и сказалъ:

— Я вѣдь не укралъ... Соня сама дала мнѣ, на время...

— Д-да, — отвѣтилъ онъ задумчиво, — я знаю... Я виновать передъ тобою, мальчикъ, и ты постарайся когда-нибудь забыть это, не правда ли?

Я съ живостью схватилъ его руку и сталъ ее цѣловать. Я зналъ, что теперь никогда уже онъ не будетъ смотрѣть на меня тѣми страшными глазами, какими смотрѣлъ за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, и долго сдерживаемая любовь невозбранно хлынула цѣлымъ потокомъ. Теперь я уже его не боялся.

— Ты отпустишь меня теперь на гору? — спросилъ я, вспомнивъ вдругъ приглашеніе Тыбурція.

— Д-да... Ступай, ступай, мальчикъ, прощайся... — ласково проговорилъ онъ все еще съ тѣмъ же оттѣнкомъ недоумѣнія въ голосѣ. — Да, впрочемъ, постой... пожалуйста, мальчикъ, погоди немного.

Онъ ушелъ въ свою спальню и, черезъ минуту выйдя оттуда, сунулъ мнѣ въ руку нѣсколько бумажекъ.

— Передай это... Тыбурцію... Скажи, что я покорнѣйше прошу его... понимаешь?... покорнѣйше прошу взять эти деньги... отъ тебя... Ты понялъ?... Да еще скажи, — добавилъ отецъ, какъ будто колеблясь, — скажи, что если онъ знаетъ одного тутъ... Ѳедоровича, то пусть скажетъ, что этому Ѳедоровичу лучше уйти изъ нашего города. Теперь ступай, мальчикъ, ступай скорѣе.

Я догналъ Тыбурцію уже на горѣ и, запыхавшись, нескладно исполнилъ порученіе отца.

— Покорнѣйше просить... отецъ...

И я сталъ совать ему въ руку данныя отцомъ деньги.

Я не глядѣлъ ему въ лицо. Деньги онъ взялъ и мрачно выслушалъ дальнѣйшее порученіе относительно Ѳедоровича.

Въ подземельи, въ темномъ углу, на лавочкѣ, лежала Маруся. Слово „смерть“ не имѣетъ еще полнаго значенія для дѣтскаго слуха, и горькія слезы только теперь, при видѣ этого безжизненнаго тѣла, сдавили мнѣ горло. Моя маленькая приятельница лежала серьезная и грустная, съ печально вытянутымъ личикомъ. Закрытые глаза слегка ввалились и еще рѣзче отѣнились синевой. Ротикъ немного раскрылся, съ выраженіемъ дѣтской печали. Маруся какъ будто отвѣчала этой гримаской на наши слезы.

Профессоръ стоялъ у изголовья и безучастно качалъ головою. Штыкъ-юнкеръ стучалъ въ углу топоромъ, готовя, съ помощью нѣсколькихъ темныхъ личностей, гробикъ изъ старыхъ досокъ, сорванныхъ съ крыши часовни. Лавровскій, трезвый и съ выраженіемъ полнаго сознанія, убиралъ Марусю собранными имъ самимъ осенними цвѣтами. Валекъ спалъ въ углу, вздрагивая сквозь сонъ всѣмъ тѣломъ и по временамъ нервно всхлипывая.

З а к л ю ч е н і е.

Вскорѣ послѣ описанныхъ событій члены дурного общества разсѣялись въ разныя стороны. Остались только профессоръ, попрежнему, до самой смерти слонявшійся по улицамъ города, да Туркевичъ, которому отецъ давалъ по временамъ кое-какую письменную работу. Я, съ своей стороны, пролилъ немало крови въ битвахъ съ еврейскими мальчиками, терзавшими профессора напоминаніемъ о рѣжущихъ и колющихъ орудіяхъ.

Штыкъ - юнкеръ, темныя личности отправились куда - то искать счастья. Тыбурцій и Валець совершенно неожиданно исчезли, и никто не могъ сказать, куда они направились теперь, какъ никто не зналъ, откуда они пришли въ нашъ городъ.

Старая часовня сильно пострадала отъ времени. Сначала у нея провалилась крыша, продавивъ потолокъ подземелья. Потомъ вокругъ часовни стали образовываться обвалы, и она стала еще мрачнѣе; еще громче завываютъ въ ней филины, а огни на могилкахъ темными осенними ночами вспыхиваютъ синимъ, зловѣщимъ свѣтомъ.

Только одна могила, огороженная частоколомъ, каждую весну зеленѣла свѣжимъ дерномъ, пестрѣла цвѣтами.

Мы съ Соней, а иногда даже съ отцомъ, посѣщали эту могилу; мы любили сидѣть на ней въ тѣни смутно лепечущей березы, въ виду тихо сверкавшаго въ туманѣ города. Тутъ мы съ сестрой вмѣстѣ читали, думали, дѣлились своими первыми, молодыми мыслями, первыми планами крылатой и честной юности.

Когда же пришло время и намъ оставить тихій родной городъ, здѣсь же, въ послѣдній день, мы оба, полные жизни и надежды, произносили надъ маленькой могилкой свои обѣты...

К О Н Е Ц Ъ .

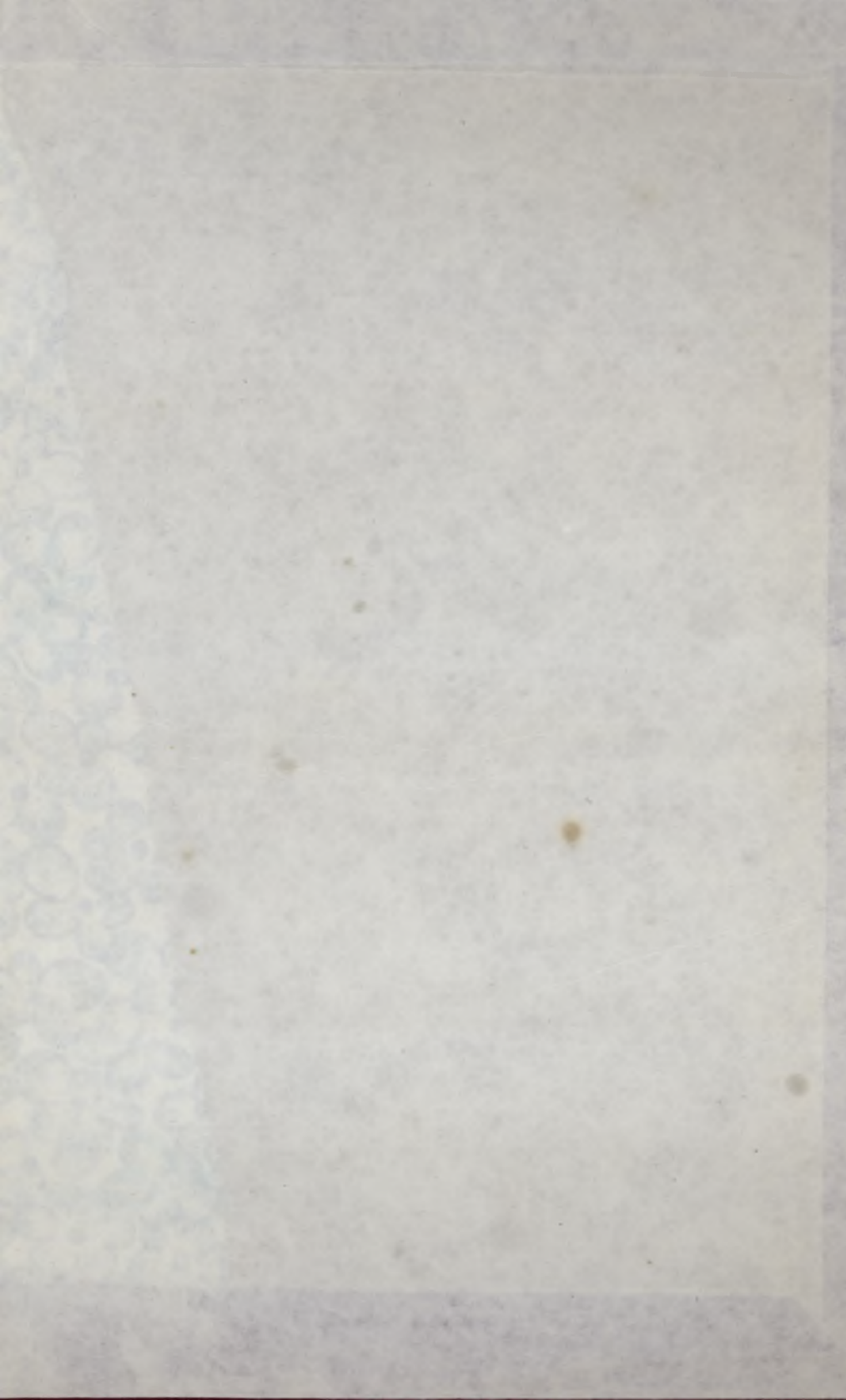

Biblioteka WSP Kielce

0162439